

ЮЛИЯ РЯБИНИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТОЛЬКО не я

Юлия Рябинина

Только не я

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рябинина Ю.

Только не я / Ю. Рябинина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Мой парень любит и защищает меня, а здесь, в детском доме, это особенно важно. Впрочем, мы скоро покинем эти приевшиеся стены и поженимся. Но у судьбы другие планы на этот счет, так как в моей жизни появляется другой парень. Надменный хулиган и беспринципный хам, из-за которого мое будущее счастье становится зыбкой мечтой. Обложка создана автором с использованием изображений с сайта shutterstoc. Содержит нецензурную брань.

© Рябинина Ю., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

– Ясь, – жаркий шепот подруги опалил ледяную кожу щеки, отчего волосы на затылке зашевелились.

– Бр-р, как же холодно, – поежилась я и поджала пальцы ног в замшевых валенках. Хмыкнула про себя. Как знала, что произойдет фигня какая-то, надела не осенние ботинки, а теплые валенки.

– Ясь.

Толчок локтем в бок отвлек от размышлений.

– Верка, прекрати, – шикаю на подругу, – синяки останутся, – потерла оледеневшей ладонью ребра.

– Да ты вообще как будто не здесь, – надула она губы.

– Вообще-то, сейчас урок, – шиплю на нее, вскользь бросаю взгляд на учителя, что стоит у доски и рассказывает новую тему.

– Ясь, – снова подруга обжигает кожу щеки жаром, – давай уйдем, а? Я совсем задубела.

Она складывает ладошки лодочкой и прячет в них нос, быстро-быстро дует внутрь. Пытается, видимо согреться.

– Вер, не выдумывай, остался всего один урок. Потерпи, – отвечаю ей и лишь на секунду поворачиваю голову в ее сторону.

– Елисеева, встань!

Я замерла на месте и медленно повернула голову к учителю.

– Что смотришь, вставай, – командует она, и я, опершись ладонями на столешницу, встаю из-за парты.

– Извините, Елена Владимировна...

Взгляд в парту и не поднимать до тех пор, пока эта гримза будет отчитывать. Ну, Верка, ну, удружила. Скашиваю взгляд в сторону подруги, но та уткнулась носом в книгу и не смотрит по сторонам.

– Уже поздно извиняться, Есения. Я так понимаю, ты новую тему знаешь лучше меня.

В голосе слышу подвох, эти ехидные нотки и шаркающие шаги по полу не предвещают ничего хорошего.

– Елена Владимировна, я не хотела вас перебивать, – начинаю оправдываться и слышу только себя. Ни смешка, ни вдоха постороннего, хотя нас тридцать пять человек в классе.

– Да, я вижу, как не хотела. Видимо, поэтому ты мне мешаешь вести урок, – учительница останавливается возле меня. – К доске, – шипит мне в ухо. – Расскажи-ка нам, Елисеева, законы Кеплера, – она подталкивает меня к доске, на которой развешаны астрономические карты.

– Ну, Елена... – начинаю упираться. Астрономия – это вот точно не моя наука, не люблю я ее и не понимаю.

– Не запрягла, Елисеева! А ну, марш к доске, и подружка твоя пусть тебе поможет. Дашина, вставай и марш за Елисеевой, – рывкает она так громко, что я подпрыгиваю на месте.

Понутив плечи, иду через длинные ряды парт.

– Первый закон: каждая планета движется по эллипсу, – слышу голос Димки со второй парты.

Я признательна ему за то, что пытается помочь, сжимаю кулак перед собой в знак благодарности и, будто ступаю на эшафот, делаю шаг на импровизированный подиум возле доски. Наконец-то поднимаю взгляд и устремляю его прямо перед собой.

– Первый закон Кеплера гласит, что каждая планета движется по эллипсу, – выговариваю на выдохе то, что сказал мне Димка.

Бросаю мимолетный взгляд на Верку, та до сих пор тащится между рядами парт, и возвращаю взгляд на парня, что активно шепчет мне правильный ответ.

Звонкий хлопок по парте, и мы все вздрагиваем одновременно. В классе повисает молчание.

– Ты, что, Волков, думаешь, я глухая? – взвилась гримза и, подскочив с моего стула, на котором вальяжно раскинулась, в несколько широких шагов оказалась возле Димки. – Сколько можно валять дурака?

Она орет ему в ухо, и я вижу, как из ее рта брызжет слюна, оседая на щеке парня.

– Елисеева вконец обнаглела, все пытается выехать за счет того, что на выступления постоянно ее выталкивают, – она резко выпрямляется и смотрит мне в глаза. – Ты что, думаешь, что сможешь заработать своими песенками себе на хлеб?

Не выдерживаю взгляда учительницы, опускаю глаза. Верка так и осталась стоять посреди класса. Коза-предательница.

– Я к следующему уроку буду готова, Елена Владимировна, – отвечаю ей и поджимаю губы.

– А мне к следующему уроку будет уже поздно, Елисеева. Садись, два, – рычит она и, задевая меня плечом, проходит к своему месту. – Волков, к доске. Дашина, ты долго будешь идти? – командует нами гримза. – Давай, Елисеева, не создавай пробку, садись на место.

Знаю, что спорить с ней бесполезно и уговаривать – тоже, вот и Димке из-за меня досталось, досада. Сталкиваемся с парнем плечом к плечу в проходе между партами.

– Прости, – шепчу ему одними губами и виновато прячу взгляд.

– Все нормально, – слышу его веселый голос, и на душе тут же становится теплее.

Когда уже уселась на стуле и приготовилась слушать Димку, дверь неожиданно открылась и в кабинет вошла директриса.

– Здравствуйте, – зычный голос сотрясает стены помещения.

Мы все встаем в знак приветствия и в один голос отвечаем ей:

– Здравствуйте, Тамара Игнатьевна.

Высокая статная женщина оглядывает нас одним взглядом, есть ощущение того, что видит она всех и сразу, и не укрыться никому от ее серых холодных глаз, цвет которых напоминает снеговые тучи.

– Садитесь, дети, – взмах руки, и все по команде садятся на места. – А вы что застыли? – вскидывает она одну идеально прорисованную бровь, обращая свое внимание на Верку и Диму. – Садитесь по местам, у меня для вас новость. Не самая хорошая, конечно, но, как говорится, имеем то, что заслужили, – она горько усмехается. – Уж не знаю, чем наш дом прогневал вселенную, но сей факт имеется, и его не оспоришь. Вам, мои дорогие, придется этот новый год встречать по разным местам, и скорее всего, некоторым придется уехать в другой город.

По классу пронесся встревоженный шепот, а Верка, что уже жалась к моему боку, крепко схватила меня за руку и больно стиснула ладонь. Но я на нее даже не обратила внимания. Вся я сосредоточилась на том, как Димка расправил плечи и, вытянувшись в струнку, внимательно слушал директрису. Я уже предчувствовала что-то неладное.

– Все подробности происходящего не хочу вам объяснять, да и вряд ли они вам нужны, – тем временем продолжила женщина, – но, как вы заметили, в нашем доме наступила зима, а все почему? – она подошла к окну, отдернула занавеску и, дотронувшись до батареи рукой, выглянула во двор, что-то с интересом там высматривая. – Сейчас все вернетесь в свои комнаты и соберете самые необходимые вещи, которых вам должно будет хватить примерно на месяц. Думаю, этого времени будет вполне достаточно, чтобы устранить неполадки.

Директриса поджала губы и зло дернула штору, а мы все как один вытянули шеи и повернулись в сторону окна в надежде увидеть то, что увидела там Тамара Игнатьевна. И в тот самый момент, когда женщина сделала шаг в сторону выхода, прозвенел звонок. Все тут же вско-

чили с мест и, уже не обращая внимания на преподавателей, гурьбой кинулись к окнам. Верка, перешагнув через меня, потащила вместе со всеми смотреть, что же там такого интересного. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Я, конечно, дернула руку, попытавшись высвободиться из ее захвата, но эти клешни намертво приклеились моей ладони, и скорее бы я вывихнула себе кисть, нежели смогла освободиться. Поэтому, привстав на носочках, я тоже попыталась выглянуть из-за плеча одноклассницы во двор, но рост не позволял этого сделать. Приготовившись подпрыгнуть, я уже даже присела немного, когда на плечи легли чьи-то руки. Я оторопело оглянулась через плечо.

– Димка, – выдохнула, а у самой колени затряслись.

Странно это как. Откуда-то внутри зародилась паника, и теперь она перла наружу. Оттого, видимо, и прошибла меня дрожь. Боязнь чего-то нового, неизвестного затопила разум.

– Не переживай, Яся, – голос парня нежно ласкает слух, и я невольно откидываюсь спиной на его грудь, а он прижимает меня ближе, будто обнять хочет, но сдерживает эмоции, нельзя здесь, при всех.

Мы решили, что подождем еще немного, до весны, а когда выйдем отсюда, обязательно поженимся сразу. Это его обещание мне. Димка в тот вечер, когда делал мне предложение, на колено встал и подарил колечко обручальное, которое теперь я ношу на шее на цепочке. Рано еще об этом говорить всем. Не хочу. Слишком много недоброжелателей. Украдкой я бросила взгляд на гримзу. Она зыркает по сторонам, нас всех оглядывает с какой-то животной ненавистью. И спасибо Димке, что загородил меня от нее, потому что ко мне у нее свое «личное» отношение.

– А ты не знаешь, что там произошло? – спрашиваю я шепотом, так тихо, чтобы слышать мог только он.

– Да, пацаны говорили, что ночью теплотрассу прорвало, которая проложена к нашему детдому. Стоп, – он дергает меня за руку, и я тут же слышу недовольное Веркино бурчание.

– Ясь, ну, дай посмотреть, – дергает она руку, и Дима выгибает бровь, удивленно смотрит на меня.

Я пожимаю плечами. Тогда парень, недолго думая, толкает подругу в спину. Та резко разворачивается, но так и замирает с открытым ртом.

– Руку отпусти, – улыбается он.

Секундное молчание с двух сторон, подруга сверлит парня немигающим взглядом, но зрительный контакт разрывает грубый голос Елены Владимировны.

– Одиннадцатый "А", освободите класс, – громогласно произносит она, четко проговаривая каждое слово.

Верка отпускает мою руку, обходя нас, подхватывает свой рюкзак с парты и выходит вслед за классом в коридор. Мы с Димой следуем за всеми.

– Елисеева! – окликает меня гримза, и я застываю в дверном проеме, с опаской оглядываюсь на нее.

– Доклад мне принесешь после новогодних каникул, только после него аттестую, – она замолчала на миг, а я уже приготовилась выслушать самую нелепую тему, по которой мне придется его писать. – Законы Кеплера.

Не выказав не единой эмоции, киваю ей и выхожу в коридор, где меня ждут два моих самых родных человека, которые так близки мне и так далеки друг от друга.

– Не такая она и плохая, как кажется, – улыбаюсь Диме и пристраиваюсь с правого бока, машу Вере рукой, подзывая к нам, но она словно прилипла к подоконнику.

– Дима, не обижайся, пожалуйста, – смотрю на парня, а у самой щеки пылают от смущения, – я к Вере пойду, ведь вещи нужно собирать, а то она ждет.

Парень оглядывается на подругу, вскользь пробегаясь по ней совсем недружелюбным взглядом, и снова поворачивается ко мне.

– Жду тебя на нашем месте через два с половиной часа, – он заглядывает мне в глаза, – надеюсь, тебе хватит этого времени?

Активно киваю, а щеки еще сильнее разгораются смущением.

– Тогда беги, а то подружка твоя меня испепелит своим яростным взглядом.

Машу ему рукой, уворачиваюсь от поцелуя в щеку, пропускаю толпу ребят и быстрым шагом иду к Вере. Та демонстративно вскидывает руки вверх и издает протяжный выдох.

– Ну, наконец-то, Яська, – она подхватывает меня под локоть и, наклонившись к уху, зло шипит: – Как ты можешь общаться с этим занудой?

– Прекрати, – отмахиваюсь от нее, но девушка уже прилипла к моему боку и теперь, ни на шаг не отступая, идет со мной нога в ногу в корпус «зэт», где расположена женская половина детского дома.

– Не прекращу, – упрямо вздернув подбородок, говорит она. – Я же вижу, что он втягивает тебя в какую-то сумасшедшую историю. И не надо мне лапшу на уши вешать. Я все вижу, – тычет она себе в глаза двумя пальцами, а потом переводит их на меня.

Тяжко выдыхаю. Вот как у нее так получается? Все хорошее и светлое она выворачивает и превращает в пошлость, греху подобную.

– Вера, если не хочешь поругаться, то лучше помолчи, – строго говорю подруге и вижу, как она громко сглатывает рвущиеся наружу слова.

– Ладно, я помолчу, но знай, я за тобой наблюдаю, – девушка тряхнула головой и, не отпуская мой локоть, отвернулась в другую сторону.

Глава 2

– Ясь, как думаешь, куда нас отправят? – подруга хаотично расталкивает вещи по сумкам. – Я даже не знаю, что с собой брать.

Она суетится, и возникает такое ощущение, что уезжаем не на месяц, а насовсем.

– Я даже не могу предположить, Вер, – честно отвечаю девушке и аккуратно кладу теплый свитер в дорожную сумку.

Вещей у меня не много, да и не люблю я эту все суету. Директриса сказала, что максимум на месяц, значит и не стоит весь гардероб пихать с собой.

– Это значит, и новый год мы будем встречать на чужбинке, – горько вздыхает Вера.

– Вера, прекрати ерничать, – корю, подругу, которая, усмехаясь своим же словам, перебирает наряды для новогоднего вечера.

– Как думаешь, какое взять? – поочередно прикладывает она к плечам нарядные платья.

– Возьми два, – советую ей, потому как выбрать действительно трудно, – может пригодиться.

– Точно, – радостно кивает подруга моим словам. – Яська, – подходит ко мне и сжимает крепко за плечи.

Смотрю, а у нее в глазах озорные огоньки горят.

– Нет, ну ты представь. Мы наконец-то вырвемся из этих уже опостылевших стен, и увидим что-то новенькое.

Отпускает меня и отходит к своей кровати, раскидывает руки и падает на спину.

– Я счастлива, если что, подруга. Не могу поверить в такое чудо.

Сижу, хлопаю глазами. От Веры такого не ожидала, да и что сказать-то ей? Меня, например, все устраивает, и уезжать я не хочу вовсе. Хочу отмечать праздники с нашими ребятами в кругу знакомых лиц.

– Ой, не знаю, Вер, – решила возразить подруге, – мне страшно, если честно.

Признание выскочило изо рта быстрее, чем я смогла над ним поразмыслить.

– Что? – вскочила девушка с кровати. – Что за ерунда, Яська, мы же вместе будем! Как там говорится, «один за всех, и мы друг за друга».

Она улыбается во все тридцать два, а вот мне не смешно, беспокойно как-то, но я все равно растягиваю губы в улыбке.

– Я буду очень рада, если все сложится так, как ты говоришь, – отвечаю ей.

– Непременно, детка, – ухмыляется Вера и падает обратно на кровать.

Как прошло два с половиной часа, я и не заметила. Вещей оказалось не так уж и мало, да и в комнате перед отъездом нужно было навести порядок. Поэтому раздавшийся телефонный звонок стал для меня неожиданностью.

– Дима? – не скрываю удивления в голосе, одновременно смотрю на часы. – Ой, Дима, прости, – короткий выдох, – я совсем потерялась во времени...

– Ну, я и не сомневался, что твоя соседка заболтает тебя. Так что ожидал этого, Есения, поэтому и ждать долго не стал.

Вот почему-то даже от его тона, что сейчас слышу в телефоне, щеки покрывает яркий румянец смущения.

– Извини, – еще раз говорю в трубку, а сама язык прикусываю.

Может, Верка и права, как-то странно на меня действует Дима, уж очень часто я чувствую себя без вины виноватой.

– Да все, проехали, Ясь. Ладно, буду ждать тебя внизу возле доски расписаний, говорят, там списки распределения вывесили, – говорит он.

– Хорошо, через... – но парень уже отключил телефон.

– Вот я тебе говорю, Ясь, этот твой Димчик – козлиная редкостная.

Я перевожу непонимающий взгляд на подругу.

– А что непонятного, ты посмотри на свое лицо!

Ее возмущению нет предела, она, будто самовар, распыхтелась, и пар начинает валить из всех щелей. Невольная улыбка касается моих губ, и подруга вскакивает из-за стола, где только что восседала.

– Я тебе серьезно говорю, а ты лыбишься! Да ты в тряпку с ним превратилась, ведешь себя, как бедная овечка Сью!

Такой по ее понятиям должен был быть обидный подтекст в этих словах, что я не сдержалась и засмеялась в голос.

– Вера, не могу над тобой, – через несколько секунд безудержного смеха на глазах выступают слезы.

Подруга стоит в позе воительницы, руки скрестила и подбородок вздернула вверх, ну, Жана д'Арк настоящая.

– Вера, расслабься, пожалуйста, – корчусь я от смеха.

– Дурочка ты, Яська, – обиженно отворачивается от меня подруга и садится обратно за стол.

– Вера, не обижайся, – вытираю тыльной стороной ладони слезы с глаз, – но ты такая смешная, я не могла удержаться.

– Знаешь, – ее голос вдруг стал тише, – я не могу на это смотреть спокойно, потому что до сих пор перед глазами стоит картина из детства, как после смерти предков сестра привела в дом мужа своего новоиспеченного. Мудак гребаный катался, как сыр в масле, сестра его обстирывала и обкармливала...

Я затаила дыхание, а смех где-то в горле застрял. Вера очень редко делилась историями из прошлого, поэтому про нее я знала лишь одно: что родственников у нее, как и у меня, нет, что сестра была, но умерла, а вот подробности ее смерти Верка не рассказывала никогда.

– Он работал, приносил денег в семью, а потом оказалось, что он игроман. Сестра плакала сильно, просила бросить все это, и знаешь, он обещал, а потом как-то не пришел домой. Сестра поизвелась вся, телефон пооборвала звонками, а потом пришли они. Оказалось, что этот проигрался по-крупному и свалил, а кому теперь отдавать долг, как думаешь?

Этот вопрос явно был адресован мне, но я не стала отвечать подошла сзади к Верке и обняла ее.

– А ты знаешь, что сделала она? Эта дрянь просто взяла и умерла, отравилась таблетками, все как в мыльных операх, – ее голос дрогнул, но говорить она не перестала, – бросила меня одну.

Сжимаю ее плечи сильнее, прижимая затылок к своей груди.

– Вера, – шепчу в макушку.

– А меня забрали в детдом, на тот момент мне было семь, – она хватает меня за запястья и крепко сжимает их. – Мне почему-то Димка напоминает Олега, Ясь. Я тебя прошу, не встречайся с ним. Ты становишься на себя не похожа, когда он рядом. Дима будто поглощает тебя собой, и ты становишься его тенью...

Она расцепляет руки и целует мою ладонь, а у меня по позвоночнику мурашки бегут.

– Нет, Вер, – отнимаю руки у подруги, – ты ошибаешься, у нас с Димой совсем иные отношения, – делаю короткие шажки к выходу. – Он совсем другой, – а у самой голос дрожит.

Быстро выхожу за дверь, даже не оборачиваясь.

– Не может этого быть, – шепчу себе под нос. – Верка просто ревнует или завидует...

Проговариваю варианты и прислушиваюсь к внутреннему голосу, но он молчит. Сбегаю по лестнице, стараюсь выкинуть все из головы. Конечно, и подругу жалко, оказывается, у нее

все не так просто, как, например, у меня. Родители погибли, а вскоре и бабушка умерла, и вот я здесь.

Ладонь скользит по холодным перилам, я будто во сне переставляю ноги, потому что вся я нахожусь сейчас с Верой в комнате. Зря я, наверное, ушла, ей сейчас требуется моя поддержка. Замираю посредине и принимаю решение идти обратно. Резко поворачиваюсь и чуть ли не нос к носу сталкиваюсь с девушкой.

– Ой, – от неожиданности отступаю, не удерживаюсь на месте и кубарем лечу вниз.

– Яська! – слышу откуда-то сверху.

В голове все перемешалось, по мне словно танк проехался. Лежу, не шевелюсь.

– Ясь, – чувствую, как плеча касается рука Веры.

Открываю один глаз, вроде все нормально, ничего не кружится, следом открываю второй.

– Жива?

Гляжу на подругу, а та кивает мне в ответ, и улыбка растягивает губы.

– Вот это кулбит сделала, – она начинает смеяться, – че больно? – тычет пальцем мне в бок.

Передергиваю плечами.

– Да я не знаю, вроде, нет, – отвечаю ей и сажусь на попу.

– Ясь, там всего-то пять ступенек, а ты падала так, как будто с вершин Эвереста, – и она начинает ржать.

– Сучка ты, Верка, – ударяю подругу по плечу, – я просто испугалась, – обиженно дую губы.

– Давай вставай, – сквозь смех говорит она, – а то тебя уже, наверное, заждались.

– Черт, точно, – поднимаюсь на ноги и делаю первый шаг, – так вроде вся цела, пошли.

Только спустившись на первый этаж, я поняла, что ногу все же повредила, хоть, скорее всего, и не сильно. В щиколотке чувствовалось неприятное ощущение тянущей боли. Неосознанное прихрамывание не осталось незамеченным.

– Все-таки поломалась, – вздыхает Вера и берет меня под руку.

– Это громко сказано, подруга, – улыбаюсь, – потянула связки, наверное.

Возле доски с расписанием толпился народ. Кто-то возмущенно вскидывал руки вверх и выражался, кто-то тихо хихикал, тыча пальцами в сенсорные экраны гаджетов. Как я понимаю, пробивали адреса и названия тех детдомов, по которым нас распределили. Но все это вскользь, я вижу всю картину боковым зрением, потому что в толпе выискиваю высокую худощавую фигуру Димы, его светлую шевелюру с модной прической. Но его нет среди учеников. Тяжко вздыхаю и, поддавшись Веркиной воле, следуя за ней, не сопротивляясь.

Девушка, не задерживаясь ни на миг, будто Халк, расталкивает узкими плечами человеческие массы, пробирается к доске, а я смотрю ей в спину и удивляюсь такой пугающей напористости такой маленькой и шустрой девчонки.

– О, вот, смотри, смотри, – слышу ее звонкий голос, – наше крыло.

Я подхожу ближе, и изо рта вырывается судорожный выдох.

– Нет! – почти кричит она.

– Да, – слышу на ухо голос Димы, и он, обхватывая меня за плечи, притягивает к себе спиной.

– Ясь, я не хочу без тебя, – в голосе подруги слышу слезы.

Она поворачивается ко мне, и ее лицо в миг меняется, в глазах разгорается огонь ненависти. Я смотрю на подругу и поднимаю брови вверх в умоляющем жесте. Вера смотрит то на меня, то на парня, поджигает губы и, проходя мимо нас, сухо кидает:

– Я попрошу Тамару Игнатьевну оставить нас вместе.

Чувствую, как она толкает плечом Диму, и тот тихо смеется, от чего волосы на макушки шевелятся.

– Мелкая фурия, – он отпускает меня и берет за руку. – Ты рада?

Вглядываюсь парню в лицо. Правильные черты лица, прямой нос и чуть пухлые губы, родинка над верхней губой и добрые голубые глаза, на которые спадает непослушная челка.

«Да, ну врет все Верка, – думаю про себя, отменяя все домыслы подруги, – Димка идеальный парень, и я его люблю».

– Конечно, рада, – отвечаю ему, – а в какой детдом мы едем? – спрашиваю его, потому что не успела прочитать, а только увидела, что с Верой мы в разных группах.

– Это интернат, Яся, – слышу в голосе Димы скрытую тревогу.

– Странно, а почему интернат? – не поняла я.

– Ну, видимо, мест не хватило, – поясняет Дима, хотя и без его объяснений все понятно.

– Жаль, что Вера с нами не поедет, – качаю я головой. – Может, действительно сходить к директрисе и попросить нас отправить вместе?

Дима дергает меня за руку, и я резко останавливаюсь.

– Нет, – короткое слово холодной сталью режет слух.

– Почему? – растерянно хлопаю глазами.

Я, конечно же, понимаю их неприязнь друг к другу, но все-таки это не значит, что я должна жертвовать отношениями с подругой ради прихоти Димы.

– Потому что нет, – отвечает он, – я не хочу, чтобы ты просила за нее, не хочу делить тебя с ней, – он притягивает меня к себе и, обхватив мое лицо руками, смотрит в глаза. – Мне надоело делить тебя с ней, ее слишком много в твоей жизни. Давай хотя бы новый год встретим без нее, а?

Его голос становится тише, и этот взгляд умоляющий, который действительно лишает меня воли, и я поддаюсь ему. Сдаюсь внутренне.

– Дим, ну, как же... – опускаю взгляд ниже и натыкаюсь на его губы. – Мы с Верой каждый новый год вместе отмечаем, – пытаюсь противостоять его напору, – я так не могу.

– Ладно, – сдается парень, что становится для меня удивительным. Он отпускает меня и отходит на шаг. – Что стоишь, иди, Верка твоя уже, наверное, под дверью директора отирается.

Он, разворачиваясь, уходит, даже не оглядывается на меня. Не ожидала я такого поворота. На душе вдруг становится тоскливо, печально или нет, обидно как-то. Сжимаю пальцы в кулаки и закусываю нижнюю губу. И развернувшись на сто восемьдесят градусов вокруг своей оси, уверенно шагаю в направлении кабинета директора. Даже про боль в ноге забыла от обиды.

Глава 3

Автобус плавно тронулся с места, оставляя позади ворота детского дома. В груди вдруг неожиданно защемило, и я, схватившись за левую сторону, ударила легонько над грудью ладошкой, словно пытаюсь этим сделать лишний толчок сердца. Делаю вдох. Вот так-то лучше.

– Есения, с тобой все в порядке? – слышу с соседнего кресла голос Димы.

Кидаю на парня короткий взгляд и так же коротко киваю.

– Да, все хорошо, – отвечаю ему, но лишь для того, что бы у парня не возникло желания снова приставать.

Уж очень не хотелось мне сейчас с ним разговаривать. Какая-то внутренняя обида поселилась в груди. Ведь поставил же меня перед выбором, и в этот раз я его сделала не в пользу Веры.

Я тяжело вздохнула и уперлась лбом в холодное стекло.

Гул голосов в салоне автобуса нарастал. Я оглянулась по сторонам. Дима, как и следовало ожидать, вперил взгляд в экран телефона и ритмично покачивал головой в такт музыке, которую он слушал. Я взглянула туда, где сидела Вера, и грустно опустила взгляд, отвернулась к окну. Вера так же сидела, повернувшись к окну с наушниками в ушах. А чего я ожидала от подруги, когда вместо нее на соседнее кресло опустился Дима и по-свойски приобнял меня за плечи? Верка замерла перед нами с раскрытым ртом. Ее взгляд тут же полыхнул ненавистью, которую она даже не старалась погасить. Вера в упор посмотрела на парня.

– Здесь сижу я, – прошипела она.

Дима только выгнул светлую бровь в удивлении.

– Ой, извини, Вера, но тут не было таблички с твоим именем. Есения, может, ты видела? – он повернулся ко мне, а я только глазами хлопнула от удивления. – Ну, и вот, так что, Вера, будь любезна, займи свободное место и уже пропусти людей, а то создала пробку, – он мило ей улынулся и, взяв за локоть, чуть протолкнул вперед.

Девушка зло дернула руку.

– Урод, – сквозь зубы процедила она.

– Дима, зачем ты так? Я вообще-то с Верой хотела ехать, – я смотрю в спину подруги, которая, расталкивая ребят, пролезает на кресло возле окна в соседнем ряду.

– Ясь, давай только не надо говорить, что я плохо поступил, – он глядит мне в глаза, – я хочу поехать с тобой.

Громко сглатываю и откидываюсь на кресло. Выбор. Он меня заставляет сделать его.

Шесть часов спустя автобус делает первую остановку.

– Так, первая десятка ребят приготовилась на выход! Я называю фамилии, и вы, не толпясь, забираете свои вещи и выходите из салона, – слышу сквозь дремоту голос куратора, которая сопровождала нас.

Я прилипла к стеклу, пытаюсь рассмотреть очертания здания за плотной пеленой белых снежинок, что сыпались с неба непрерывно.

– ...Олег Доронин, Вера Дашина...

Меня как водой холодной облили, сердце дрогнуло и пустилось вскачь. Оглядываюсь на подругу, но она и не смотрит на меня.

– Вер, – я упираюсь ладонью в подголовник Диминого сиденья, – Вер, я позвоню.

Сглатываю комок, что застрял в горле, когда она увернулась от моей попытки схватить её за рукав.

– Вер, не обижайся, – уже громче говорю в спину девушки, но она так и не обернулась.

Зря я позволила Диме сесть рядом, ведь Верка мне как сестра. А парню какая была разница, где сидеть и слушать свои песни? От злости на него я поджала губы и, откинувшись на кресло, уставилась перед собой. Ведь специально это сделал.

Через пять минут автобус тронулся дальше, а я снова прилипла к стеклу, выглядывая в снежном покрове стайку ребят, что сгрудились в кучку и слушали какого-то мужика, а потом дружно последовали за ним. Вера так и не обернулась. Я закрыла глаза. Глубоко вдохнула. Достала телефон и, быстро открыв смс, настрочила ей сообщение.

Ответ даже не надеялась получить, поэтому сунула телефон обратно в карман куртки.

Через час автобус снова остановился.

– На выход Аврора Афонова, Лизовета Афанасьева, Дима Волков, Есения Елисеева...

Дима, как только услышал наши фамилии, сразу встал с кресла и стал собираться. Прodeв руки в рукава куртки, застегнул ее, достал сумки и, натянув капюшон, мазнул по мне взглядом.

– Ясь, я тебя жду на выходе, – кинул он, когда понял, что я еще не готова.

Я кивнула парню.

Как-то странно вел себя Дима, я не могла понять, что в нем изменилось. За этими раздумьями не вспомнила, что в стареньком икарусе есть подъем, на котором установлены все кресла. Нога соскользнула, и я повторно подвернула ту конечность, которая, казалась бы, уже совсем перестала болеть.

Громкий «ой» никого не привлек, потому что в автобусе и без того было слишком шумно. Прихрамывая, прохожу к выходу.

– Есения, что случилось? – удивленно спрашивает Алла Сергеевна.

– Да, все нормально, – через силу растягиваю губы в улыбке и спускаюсь с высоких ступеней автобуса, – ногу подвернула.

– Если будет продолжать болеть, обязательно сходи в медпункт, – напутствовала она, а потом помолчала. – Лев Владимирович! – пронеслось над моей головой.

Все, кто уже успел выйти, дружно повернулись в нашу сторону. Дима, увидев, что я иду к ним, прихрамывая, тут же бросился на встречу.

– Да все нормально, – прокричала я, хотя с каждым новым шагом нога начинала болеть все ошутимее.

Снег сыпал с неба так сильно, что уже через несколько минут меня всю облепили мокрые снежинки.

– Лев Владимирович, – голос Анны Сергеевны послышался рядом с парнем. – Присмотрите, пожалуйста, за Елесиевой, а то она ногу подвернула, боюсь, постесняется обратиться за помощью, – учительница яркой птичкой вспорхнула и улетела в автобус. – Всем приятных праздников! – крикнула, прежде чем двери автобуса закрылись, и он тронулся с места.

Я глянула из-под опущенного на глаза капюшона на мужчину, которого женщина попросила присмотреть за мной.

– Здравсьте, – для начала решила поздороваться, потому что мужик смотрел, не отрываясь, мне показалось, даже Дима как-то попытался закрыть меня собой немного. – Да все нормально, не обращайтесь внимания, – я сквозь зубы улыбнулась мужику.

Он коротко кивнул и, отвернувшись, громко сказал:

– Так, меня зовут, как вы уже слышали, Лев Владимирович. Я руководитель по воспитательной работе в интернате номер двадцать четыре, – он снова посмотрел на меня. – Все вопросы, которые могут возникнуть у вас, решать со мной. Если вдруг случатся конфликты с учениками – решать со мной в обязательном порядке.

Я смотрела на мужчину и не понимала, о чем он говорит. Да и вообще, почему мы оказались в интернате, а не в детском доме?

Мужчине, конечно же, этих вопросов я задавать не стала. Оперлась на руку парня и, когда Лев Владимирович, отвернувшись, пошел по направлению к серевшему за пеленой снежинок зданию, практически повисла на Диме. Уже сильно прихрамывая, я шла за ними.

В здании было пусто, на первом этаже в холле свет горел тускло и только в гардеробе.

– Тебе надо в медпункт, так не пойдет, – шикнул мне на ухо Дима, и я согласилась, потому что, пока доковыляла, поняла, что ногу просто выворачивает.

– Вы пока располагайтесь здесь, – оглядел всех мужчина, – сейчас спустятся старосты и проводят вас по комнатам. А ты, пошли за мной, – поманил он меня рукой, и мне, только усевшейся на лавочку, пришлось подтянуться и встать на ноги.

– Давай, помогу, – Дима вмиг оказался рядом, подхватил под локоть, и мы пошли за мужчиной, который, не сбавляя шага, быстро следовал вглубь помещения.

Всю ночь я ворочалась с боку на бок, и даже таблетки обезболивающие не помогли. Ногу выворачивало из сустава, и стоны я душила в подушке, чтобы девчонкам не мешать. Только под утро удалось задремать, и то, видимо, оттого, что боль вымотала.

– Есения, – слышу сквозь сон незнакомый голос, – пора на уроки собираться.

Но я дергаю плечом и говорю, что сегодня я никуда не пойду, а про себя думаю, что до медпункта все же стоит добраться, потому как такой боли, как была ночью, я больше не выдержу.

Прихрамывая, держусь за стенку и вспоминаю маршрут, по которому мы вчера шли сюда с Димой. Как ни странно, но боль отпустила, вот только на ступню я полноценно не могла опереться, только на носок.

Четыре лестничных пролета показались пыткой. В здании было пусто, и шаги отдавались эхом по длинным коридорам. Как я поняла, сейчас в этой части интерната мало кто остался, и оттого здесь много пустующих комнат. Но стоило спуститься этажом ниже, как сразу произошла разительная перемена. Туда-сюда сновали подростки и дети поменьше. Казалось, они совсем не замечают меня, занятые своими проблемами.

Сбоку послышался громкий смех и девичий взвизг. Я глянула в ту сторону и в пару шагов оказалась в углу лестничной площадки.

– Вась, ты че, совсем полоумная? Зачем ее за косу так сильно дернула? Опять Лева придет разбираться, – девушка с длинными ресницами шла задом, всматриваясь в бесстрастное лицо красавицы, что глядела сквозь нее.

– Мне пофиг на него, Света, – пропела она, и стайка девушек свернула в проход, который вел на лестничную площадку.

Фух, у меня от волнения даже на лбу капли пота выступили. Все же какое-то внутреннее чутье подсказало, что нужно не попадаться этим девчонкам на пути.

– Да я про эту кукушку вообще не говорю, – не унималась Света, – мне надоело, что Лев постоянно нас дергает, – она надула губы и обвела лестницу поверхностным взглядом, будто лица кого-то.

Я только сильнее вжалась в стену.

– Значит, надо вернуться, Света, и пригрозить этой дряни, чтобы язык свой не распускала, – равнодушно сказала красавица, сверкая синими глазами. – Давай иди, Свет.

– Вась, я уже замучилась за тобой подтирать, правда! – зло кинула девушка и, сделав оборот, через ступеньку стала подниматься вверх.

Шаг, еще один, и ее взгляд скользит по мне, а я опускаю глаза. Ни к чему мне их внимание, отворачиваюсь и делаю шаг в направлении лестницы. Дыхание сперло. Что ж, видимо, здесь все намного жестче, чем у нас. Мы в своем детдоме сами руки не распускали и никому не позволяли этого делать. Мы там все большая семья, все помогаем и поддерживаем друг друга. Конечно же, и у нас бывали стычки, но все по делу, а не просто взять и ради забавы дернуть девчонку за волосы.

Услышала, как за спиной усилился девичий плач, и по сердцу будто ножом полоснуло. По голосу было ясно, что плакала мелкая девчонка. Спускаюсь медленно, чтобы не догнать компанию, и ниже на лицо капюшон толстовки надвигаю.

– Ты что, хромаешь? – неожиданно раздался за плечом голос Светы.

– Я, э... – заикаюсь от неожиданности я и поворачиваю голову к девушке.

– А, ты, видимо, новенькая, – заулыбалась она, – я тебя раньше не видела. Медпункт нужен? Хочешь от уроков откосить? – она сверкает серыми глазами и внимательно разглядывает меня.

– Да нет, я ногу подвернула вчера, – честно отвечаю ей, отмечая ее предположение.

– А, ясно, ну, тогда тебе вниз по лестнице и направо, дойдешь до конца коридора, повернешь налево и чуть вперед пройдешь, там и будет Ильинична. Только ты поторопись, а то она любит соскакивать раньше времени, – проговорила она, а я за это время успела спуститься на следующий пролет. – Ну, давай, не хворай, – она махнула мне на прощание и ускорила шаг, нагоняя своих подружек.

Я громко вздохнула.

«Так, все закончилось хорошо, главное, больше с ними не встречаться», – подумала про себя и уже из коридора услышала смех красавицы, к которому присоединились еще несколько девичьих голосов. Щеки тут же залились румянцем. Почему-то я была уверена, что они смеются надо мной.

Глава 4

– Люба, что там было сегодня на уроках? Много задавали? – я встаю с постели в тот момент, когда девчонки заходят после занятий в комнату.

– Ой, да нет, Ясь, все, что здесь проходят, мы прошли уже, только по истории немного припоздали. Но по расписанию урок на следующей неделе будет, сейчас дам задание, – девушка полезла в рюкзак, а Нина, что стояла рядом, в нетерпении поглядывала на меня.

Я вопросительно вскинула брови.

– Рассказывай, что же там такого необыкновенного произошло, – присаживаюсь на стул в ожидании.

– Да нечего рассказывать. Ты же знаешь, какая Нинка падкая на смазливые морды, – за девушку ответила Люба в тот момент, как Нина открыла уже рот, чтобы выплеснуть эмоции.

– Ты маленькая ханжа, – она обиженно поджала губы и скрестила руки на груди.

– Ага, скажи еще, что монахиня, – хмыкнула Люба и бросила на стол дневник. – Но про него и говорить-то нечего, ты видела, какой он весь лохотный? И девка у него есть, скорее всего, так что не вижу смысла вообще говорить о таких, как он. Сразу видно, что богатенький пижон, – выплонула она.

Я сидела и слушала с застывшей полуулыбкой на губах. Интересно стало, чем спор их закончится.

– Да от него фонило за целый километр туалетной водой, и шмотки ты видела, таких обычные парни не носят, – поставила она точку в своем монологе.

– Дура ты, Люба, вот что я тебе скажу, – Нина проскользнула мимо подруги и пошла в дальний угол, к своей кровати. – При чем здесь все это, я не понимаю.

– Да при том, что такие придурки, как он, и взгляда на таких, как мы, не бросят, – выпалила девушка сгоряча.

Я даже присвистнула.

– Да ты бы только видела его наглую рожу, когда, опоздав почти на десять минут, он завалился в класс, – Люба нацелилась на меня. – Да он даже ничего не сказал, даже элементарного извинения не попросил! И как ты думаешь, что сказал учитель?

Я пожала плечами.

– НИ-ЧЕ-ГО. Он промолчал. Сразу видно, что это богатенький пижон.

– Люба, ты подмениваешь понятия, – улыбается Нина, стягивая узкие джинсы и надевая вместо них удобные спортивные штаны, – он, скорее всего, мажор, но только у меня возникает вопрос, откуда ему здесь взяться? Это же интернат.

– Ну, знаешь ли, – трясет пальцем над столом Люба и зло хмыкает, – это не простой интернат, а для трудных подростков. А он, извини меня, не похож на трудного, скорее, на заправшегося борова он похож.

Нина поднимает руки ладонями вверх.

– Все, Люб, не хочу спорить, тем более, с тобой, пусть будет, как ты скажешь, – и она ловит мой взгляд. – Но Яся, видела бы ты эти глаза! Они как омуты черные, ей-богу, затягивают и не отпускают. А губы... да я оторвать взгляд от него не могла, – продолжает девушка мечтательно.

– Идиотина потому что, – вносит свои коррективы в рассказ девушки Люба, и я не удерживаюсь, начинаю смеяться.

– Смейся, смейся, – надувает губы Нина, – вот завтра пойдешь на уроки и посмотришь, каков он, дьявольское отродье соблазна, – она подхватывает мой смех, и теперь нас двое.

Смеемся до слез, пока Люба сопит, переодеваясь.

– А я ходила в медпункт, и мне до выходных написали справку, так что я сижу на попе смиренно и не двигаюсь никуда, – выставляю ногу вперед. – Ильинична сказала, что я сильно потянула связки.

Нога немного припухла на пальцах, но уже не болела, потому что женщина всадила мне в попу обезболивающего.

– Эх, много теряешь, Есения, – вздохнула Нина, – но нам больше достанется, правда, Люб? – она подмигнула подруге, а та в ответ наградила ее насмешливым взглядом.

– Как твоя нога? – Вера косится на меня.

– Отлично, – обнимаю подругу за талию и прижимаю к себе. – Рада, что ты все-таки приехала.

Вера улыбается и прижимается ко мне. Мы разворачиваемся и идем от ворот интерната вглубь заснеженного двора. Именно здесь мы проходили пять дней назад, когда нас сюда привезли.

Я глянула на подругу и улыбнулась. Мне удалось все-таки вымолить у нее прощение, и мы договорились, что на выходных она приедет ко мне, так как Вера наотрез отказалась, чтобы я приезжала к ней. Все из-за того, что был вариант поехать только с Димой. Я, конечно, заранее предположила, что Верка пойдет в отказ, поэтому и не настаивала на моей поездке.

– Как ты устроилась? – задаю вопрос на отвлеченную тему.

– Ты знаешь, неожиданно хорошо, – отвечает она, но замечаю в глазах тоску.

Впрочем, я и сама тосковала по подруге, просиживая в комнате целыми днями. С Димкой виделись редко, так как в женское крыло парням никто не разрешал заходить так же, как и у нас в детском доме, поэтому, как следствие, скука, а причина – тоска. Тосковала я по Вере, что ни говори. Привыкла к ней, и теперь меня как будто второго «я» лишили. И Люба с Ниной задерживались постоянно после уроков, рассказывая, что готовятся к новогоднему выступлению, записались в кружок. Я смотрела на них с непониманием, зачем было это делать, если скоро уедем отсюда. Но девочки мне ответили просто: «Для разнообразия, чтобы скучно не было сидеть».

Сначала я не поверила им. Как может быть скучно, если нужно в конце четверти оценки подтянуть, ведь одиннадцатый класс, ЕГЭ и все такое. Но теперь я осознала, насколько они поступили правильно, заняв себя хоть чем-то.

– А ты как? – выдернула меня Вера из мыслей.

– Да тоже неплохо, вроде бы и с девчонками общий язык нашла, но без тебя скучно, – снова обнимаю ее за шею и прижимаю к себе, – не хватает тебя.

– И мне, – вся спесь с Верки сошла, и теперь она смотрела на меня полными слез глазами.

– Да ты что, подруга, плакать собралась, что ли? – улыбаюсь ей, а у самой тоже пелена заволокла глаза. – Ты что, приехала мокроту разводить, что ли?

Толкаю ее в сугроб, что так удачно оказался у нас на пути, и падаю в него же рядом с ней. Снег оказался пушистым и мягким, поэтому вокруг нас поднялось облако белых снежинок. Мы одновременно засмеялись и так же в один голос заговорили будто скороговоркой:

– А над землей зимний Ангел летает, – руки вверх, будто хотим взлететь в облака. – А над землей зимний Ангел летает, – вниз. – С крылышек пух рассыпает, снегом на землю роняет, – работаем руками и ногами, вычерчивая на снегу снежного ангела. – Пушинок искрящийся снег, снежинок танцующий бег.

Я уже хотела открыть рот, чтобы первой загадать желание после этого стишка. Традиция у нас с Верой такая была, когда мы зимой делали на снегу снежных ангелов: кто первый после него скажет вслух желание, у того оно обязательно сбудется. И вот я уже открыла рот, как в лицо и на меня в целом обрушилась целая гора снега. От неожиданности я вскочила на ноги закашлялась. Я, конечно, ничего не имею против такого поворота событий, но это было подло

со стороны подруги. И вот оттерев глаза от растаявших снежинок, я уже собиралась ей высказать свое недовольство, как...

– Вы что, придурки совсем, что ли? – разъяренный голос подруги сотряс двор.

Я разлепляю влажные от снежинок ресницы. Обвожу взглядом двор и останавливаю взгляд на Вере. Она из-за шивороты куртки вытряхивает снег и негромко ругается матом.

– Вообще придурки конченные, – кидает злые косые взгляды в сторону небольшой группы парней.

Я вскользя оцениваю их возраст и понимаю, что они наши ровесники.

– Вер, подожди, давай помогу, – подхожу к подруге.

– Зверье, что ли, какое-то? – никак не успокаивается Вера. – Одурели в конец.

А в ответ громкий злой смех.

– Чучундры снежные, – и снова смех.

Скашиваю глаза и замираю на месте. Даже рука, занесенная для того, чтобы помочь подруге, так и осталась зависшей в воздухе.

Черные омуты глаз прожигали меня, и я даже забыла, как дышать нужно. А он смотрит так, что спрятаться хочется, укрыться, забиться в дальний угол самой темной комнаты и исчезнуть в ее черноте. Делаю рваный выдох только тогда, когда парень криво усмехается и отводит глаза.

– Пошли, – то ли услышала я, то ли по губам прочитала, не поняла.

Свалившийся с головы капюшон вернула обратно и волосы растрепавшиеся под него засунула, застегнула молнию под самый подбородок и с опаской глянула в ту сторону, куда ушли парни.

– Ясь, ты что застыла-то, как окоченевшая? – не поняла подруга и, проследив за моим взглядом, ухмыльнулась. – Знаешь их?

Я отрицательно покачала головой и, взяв ее за рукав, потянула к зданию, только ко входу с противоположной стороны.

– Пошли, – а у самой в памяти Нинины слова всплыли: «...видела бы ты эти глаза, они как омуты черные, ей-богу, затягивают и не отпускают. А губы... да я оторвать взгляд от него не могла».

Я чертыхнулась про себя. Здесь я, пожалуй, поддержу Любу в том, что он мерзкий тип, но Нина права, не пиздон он ни капельки, а зверь хищный, страшный. Не хотелось бы мне с ним встретиться когда-нибудь еще.

Глава 5

Уже в комнате я смогла спокойно выдохнуть. Скинув одежду, быстренько переоделась в сухое.

– Вот, держи кофту и штаны, – кидаю сухие вещи Вере.

– Спасибо, – отвечает она и тоже переодевается.

Потом развешиваем одежду по батареям и усаживаемся за круглый стол.

– До вечера высохнут, – махнула рукой подруга.

– Хочешь, давай спустимся в буфет? – вопросительно глянула я на Веру. – Чаю попьем и перекусим что-нибудь.

– Да я не против, у вас тут как кормят? – она уже открывала дверь, пока я только поднималась из-за стола.

– Да, так же, как и в детдоме, только в буфете вкушенностей больше, – улыбаюсь ей, и мы выходим в коридор.

К тишине, что царила на нашем этаже, я привыкла, и меня от этого не коробило больше, а вот Верка заметно поежилась и прижалась ко мне.

– Слушай, как из фильма ужасов какого-то этот коридор, – она оглядывается по сторонам и передергивает узкими плечиками. – Нас поселили вместе со всеми.

– Вот и мне показалось странным, почему здесь не сделали тоже самое. Знаешь, как будто специально отделили нас от всех. Я еще понимаю, если бы нас было много, но всего же десять человек, и то девчонок только пять, неужели пару комнат не смогли выделить на втором этаже?

Наши шаги эхом отражались от бетонной стены.

– Но потом оказалось, что все комнаты до оной заняты, и к следующему году этот этаж тоже будет заселен.

Подруга сделала глубокий вдох.

– М-м-м, – протянула, – ну, теперь все понятно, вы первопроходцы.

– Угу, похоже на то, но знаешь, мне даже нравится. Нет шума, как на нижних этаж.

Мы как раз спустились на второй. Сегодня и здесь было тихо.

– Обычно здесь очень шумно, потому что комнаты для мелких тоже находятся здесь.

Я собралась с духом и, потянув Веру за собой, ступила в длинный коридор второго этажа. Волнение и страх одновременно забрались под кожу, разбегаясь тысячами мурашек под ней.

– Я так хочу посмотреть, как тут, – шепчу на ухо Вере, – если бы ты знала.

Пальцы похолодели, и я вцепилась девушке в руку.

– А, что тебе нельзя тут ходить? – так же шепотом спрашивает она.

– Я не знаю, – пожимаю плечами, – я сюда ни разу не ходила, – улыбаюсь, прищуривая глаза, – у меня нога болела, ты что, забыла?

На этаже тишина, только слышны наши шаги осторожные.

– Ясь, может, вернемся, не пойдем дальше? – тушется Вера и замирает на месте.

– Не уж то это мне говоришь ты? – насмехаюсь над подругой и тяну ее дальше. – Я от любопытства целую неделю мучилась, ждала выходных, и что я слышу сейчас? – шепот разносится в тишине, которая неожиданно становится гнетущей.

– Предчувствие у меня нехорошее, Ясь, – снова идет на попятную Верка.

– Ну, тогда подожди меня там, у входа, – отпускаю ее руку, обиженно так отталкиваю от себя.

Твердо шагаю вперед, все эйфория чего-то загадочного исчезла, и я скорее из упрямства иду дальше, так как все любопытство стерлось о нерешительность подруги. Сзади за спиной все-таки слышу ее сопение.

– Ты же хотела чаем напоить, – шипит она. – Да и после этих придурков, знаешь ли, мне здесь совсем не хочется ошиваться.

Я резко торможу. А ведь действительно, как я про них могла забыть? Вдоль позвоночника холодной змеей скользнул страх. Перед глазами застыл этот парень и его черный взгляд, которым он прожигал меня на месте.

– А тебе самой-то не страшно ходить здесь? Что за трудных подростков содержат в этих стенах? – Вера взяла меня под руку.

– Верка, прекрати, не убийцы же здесь содержатся, это же не тюрьма, в конце концов, – отбрасываю страхи. – Да и что мы плохого делаем? Просто идем вниз.

– Да, только выход здесь один и он с той стороны, откуда вы пришли.

Мы замираем на месте и одновременно поворачиваемся на голос, что доносится нам в спину. Высокая девушка стоит, опершись плечом на косяк, и внимательно нас разглядывает, а у самой челюсть гуляет туда-сюда оттого, что жвачку жует.

– Вы что, воровать пришли? По комнатам лазить? Ведь вы же детдомовские, верно? И ваш третий этаж, – она щурит глаза. – Отсюда вопрос, зачем, интересно, вы приперлись туда, где не живете.

Я так и стою, хлопаю глазами. Не ожидала, что нас могут вот так с порога обвинить в воровстве. В голове зашумело от негодования, и резкие слова уже готовы были сорваться с губ, когда...

– Заблудись мы, – выступила Вера вперед и одновременно потянула меня в сторону распашных дверей на выход. – Думали, здесь, как и во всех зданиях, есть еще один выход, не сориентировались, – она пожимает плечами и улыбается.

Мы обходим долговязую стороной, а у меня закрадывается в голову вопрос. Значит, и в интернате дети остаются на выходные. Не всех, значит, родители забирают домой. Очень интересно, почему.

– Ага, давайте, валите отсюда, и чтобы больше на этаж ни ногой, сиротки, – выплюнула она слово ядом, – а не то по-другому разговаривать в следующий раз будем.

Кидаю на нее презрительный взгляд и сжимаю пальцы в кулаки. Да какое она имеет право так говорить? А девчонка стоит и криво лыбится. Делаю шаг к ней, забыв о том, что я нахожусь на их территории, и здесь границы, по-видимому, разделены очень четко.

– Рит, ты с кем там? – голос знакомый, такой, что волосы на затылке встают.

Останавливаюсь на месте, когда из-за плеча длиной вижу Васю, которая сонно потирает глаза.

– Да тут у нас две крысы по ходу завелись, Василис, как-то не досмотрели, – говорит, чуть повернув к ней голову, девчонка.

У красавицы в миг меняется выражение глаз, и на лице застывает маска презрения. Отшатываюсь от них, делая два шага назад. Вся сонливость сходит на нет, когда она цепляет нас взглядом, и глаза сверкают дикой злобой.

– Ага, вот и показались, домовята, – усмехается она и выходит из комнаты, делает шаг по направлению к нам, – вылезли, значит, из своего убежища, – она кривит губы в улыбке, только это и на улыбку вовсе не похоже, скорее, на оскал. – Дождались, – уже откровенно издевается. – А мы ждали, когда это произойдет, вот даже на выходные остались, да, Рит?

Она поворачивается к долговязой, и время замедляет бег, когда губы Риты растягиваются в ехидной улыбке. Из комнаты еще выходят четыре девчонки, как я поняла, свита Василисы.

Больше нечего здесь стоять, я все понимаю за долю секунды, толкаю Верку в бок, и мы срываемся с места. Точнее, подруга срывается с места, а я остаюсь там же, где и стояла. В мой затылок впиваются длинные пальцы красавицы, и она больно дергает меня назад, заставляя попятиться и упасть на попу.

– Пусти! – взвыла я от боли.

Верка обернулась назад, дернулась было ко мне, но обведя взглядом компанию, что собралась вокруг меня, побежала дальше, скрываясь за распашными дверями.

Заваливаем в фойе здания, и тепло тут же окутывает нас. Страхиваю с капюшона снег и откидываю с головы.

– Ну, вот, а она вся такая покраснелась, глаза на выкате, говорит: «Леня, а давай еще», – парень громко засмеялся, и мы вместе с ним. – Не, ну вы прикиньте? Как может девственница просить еще? – он возмущенно задал вопрос, и все погрузились в размышления.

Я отвернулся от пацанов и прошел в гардеробную, в правом дальнем углу было пусто.

«Конечно, пусто», – хмыкнул про себя, потому что каждый знал, чье там место.

Вспомнил рассказ Ленки и улыбнулся. Ну, пацан, ну дает. До сих пор, как дурак, во все бабские рассказы верит. Придурок малолетний.

– Ну, и че дальше-то? – слышу голос Михея за спиной и поворачиваюсь.

Компания из пяти человек окружила рассказчика, ждут продолжения, пораскрывав рты.

– Ну, что-что, – довольным голосом проговорил он, – дал ей отсосать, вот и все. Чтобы в следующий раз неповадно было врать, – он замолчал на секунду. – Да она была такая же девственница, как я вон этот, Юлия Цезарь, – подбоченился он, изображая римского полководца.

– Хорош, Лень, – толкнул я парня в бок, – дали, ну и радуйся, – улыбаюсь парню и проталкиваюсь на выход сквозь парней. – Давайте в буфет. Кофейка, что ли, попьем.

– Ага, ща, только разденемся, – зашуршали они одежками.

– Жду вас, – выворачиваю из-за угла, и тут же со всего маху получаю в грудь удар, аж в глазах потемнело, еле удержался на ногах.

– Ой-и! – взвыл вроде бы девчачий голос.

Когда из глаз прекратили сыпать звездочки, я рассмотрел того, кто так протаранил меня. Понял, что все-таки да, взвыла девчонка, почти на голову ниже меня. Стоит, головой трясет, видимо, и сама не ожидала. Беру ее за плечи и встряхиваю, как куклу.

– Ты что, очумевшая, что ли? – всматриваюсь в лицо, и оно мне кажется знакомым.

А вот в глазах... в глазах страх, такой неподдельный, я бы даже сказал, животный, видел такой у пацанов, которых... Тряхнул головой, прогоняя образы.

– Куда спешишь, крошка? – спрашиваю и наконец-то вспоминаю, где видел эту девчонку.

Она стоит и слова сказать не может. Моргает глазами серыми, а в них так и продолжает плескаться страх, не уходит. Вот только не понимаю пока, в чем тут причина.

– Ты вроде не глухонемая, я слышал, как ты матом крыла пацанов на улице. И где твоя подружка? – зачем спросил, не знаю, просто потому, что нужно было что-то спросить.

Она вдруг неожиданно всхлипнула, и в глазах слезы появились. Губы дрожащие кусает и назад оглядывается. Я понял, что она перед выбором встала, не знает, сказать или нет.

– Ну, говори, что стряслось, – спрашиваю ее, а у самого догадка и так уже появилась. Потому что не раз видел этот полный ужаса взгляд.

– Где она? – тихо, но настойчиво спрашиваю ее и сжимаю чуть сильнее плечи.

Она кивает назад, туда, откуда прибежала.

– На втором этаже, – голос дрожит, и теперь чувствую, как ее пробивает озноб.

Отдвигаю ее в сторону и уже ближе к лестнице ускоряю шаг.

– Тим, – слышу в спину голос Ленки, – ты куда?

– Я сейчас приду, – бросаю парню через плечо и тут же исчезаю в дверях.

Неужели Васька опять взялась за свое, сколько можно? Совсем с катушек слетела. Дура. Поднимаюсь, перешагивая через одну ступеньку.

Мне, по сути, вообще-то, пофиг, что творит она, но все же должен быть предел. Только вот почему я решил, что этим пределом стала белобрысая девчонка с глазами, словно два бездонных ярко-голубых озера? Я когда ее увидел на заднем дворе с растрепанными белоснеж-

ными волосами и глазами, сверкающими, словно две искры, от злости, в груди что-то сжалось сильно. А спустя мгновение треск, словно от рвущегося каната, и тепло по венам побежало.

Я смотрю, как она поджимает губы и стряхивает с себя снежинки, оглядывается по сторонам и цепляется взглядом за меня. Дыхание задерживаю ровно до тех пор, пока она первой не прячет взгляд под капюшоном. Тянет свою подружку в противоположную сторону, к главному входу в интернат.

– Тим, пошли, – толкает меня Ленька.

– Кто они? – киваю я на уходящих девчонок.

– Забей, это приезжие из детдома. Слышал, Лева говорил, что они на месяц к нам приехали, так что скоро свалят, – Михей ехидно лыбится.

Я глянул на него искоса, и улыбка сползла с лица парня так же быстро, как появилась.

– Чтобы рядом с белобрысой я никого не видел, ясно?

Все дружно закивали и, подобравшись, заторопились внутрь.

Делаю вдох, когда стою на последней ступеньке второго этажа. Оказывается, до этого момента даже не дышал. Предчувствие крепнет с каждым шагом к женскому туалету, становится скверным. И когда уже подошел ближе, услышал девчачий смех злобный, язвительный. Будто мразь какая-то за дверью находится и не одна.

Дыхание спирает в груди, и воздух застревает на выходе, когда толкаю дверь, и взгляд застывает на бледном лице. Глаза закрыты, а из носа тонкой струйкой течет кровь, и губы распухшие, будто их кто-то намеренно растирал или целовал долго.

– Тим? – недоуменный голос выводит меня из ступора, и я перевожу взгляд на говорившую, следуя им по ее руке. Кулак сжимает накрученную на предплечье косу.

«Оказывается, у нее очень длинные волосы и такие же белые, как снег», – мелькнуло в голове.

Коротко выдыхаю, а внутри все клокочет, есть желание подойти и одним ударом смазать с лица Василисы вот это отсутствующее выражение, будто не она сейчас творит зло. Никаких эмоций, холодная решимость и полная уверенность в правильности своих действий. Тварь.

– Я думаю, ты перегибаешь палку, – облокачиваюсь о косяк и засовываю руки в карманы джинсов, чтобы девчонки не увидели, как пальцы в кулак сжимаются. На Снежинку не смотрю, чтобы не сорваться.

– О-о-о, – протягивает Василиса, – неужели заступаться пришел? – она щурит глаза, и невозможно рассмотреть, что за чувства там скрываются за обрамлением густых ресниц. – Удивил, – ее губы растягиваются в ироничной улыбке.

Девушка заносит руку, и тут я вижу, что в ней мокрая тряпка. Из горло вырвался короткий выдох, когда по лицу девчонки пришелся хлесткий удар. Не знаю, как в этот момент устоял на месте. Понимал, что если сейчас проявлю слабость, то ей потом будет не сладко, а целый месяц, так, по-моему, сказал Михей, это большой срок пребывания здесь.

– Вась, ты же знаешь, что, если она пожалуется, тебя в покое не оставят, – предпринимаю еще одну попытку вразумить девушку.

– Тимофей, шел бы туда, откуда пришел, – Рита делает шаг ко мне и загораживает от меня Василису.

Перевожу на нее взгляд, не знаю, что она в нем увидела, но девчонка тушует и так неуклюже пятится к стене, что меня передергивает от ее корявости.

– Я не думаю, что твоя мать хотела бы таскаться с тобой по малолеткам, – в уме прикидываю, чем бы еще можно было подействовать на Василису, не применяя физической силы.

Да я бы и не стал применять, потому что это бы навредило девчонке еще больше. Ведь Васька лидер в женской половине интерната. Хладнокровная сучка, на выходки которой даже Лева закрывает глаза. И вот сейчас стою, смотрю на нее, и даже не верится, что это моя девушка, которая в будущем должна стать еще и женой.

Глава 6

Стоило только представить, что вот с этим бесчувственным созданием мне предстоит сосуществовать, передернуло всего.

Василиса тем временем, посмотрев на расплывающийся по щеке красный след от тряпки, довольно хмыкнула, разжала руку и, пнув девчонку в бок носком кроссовки, посмотрела на меня. До этого безразличный взгляд вдруг сменился интересом.

– Рит, расскажи домовенку, как нужно вести себя здесь, – бросила долговязой, – а мне интересно, ты что засуетился-то вдруг, Тимош?

Она подхватывает меня под локоть и в буквальном смысле выталкивает из туалета. Хотел было дернуться назад, когда дверь за нами закрыли, но Вася вцепилась в меня мертвой хваткой.

– Ты что за представление устроил, а? – ее лицо вдруг меняется, и теперь она уже шипит, как змея. – Ты что перед девчонками авторитет мой подрываешь? – больно тычет мне под ребра пальцем.

– Сука, – выдавливаю из себя и уворачиваюсь от очередного тычка, хватаю ее за горло. – Ты совсем, что ли, дебилка?

Она округляет глаза.

– Тебе Лев не простит детдомовцев, поняла, дура? А там и до статьи недолго, если начнут копать, и поднимется все то, что ты тут за последние годы начудила, – вижу, что в глазах мелькает осознание, типа до этого она не понимала, что делает. – Вась, с тобой что происходит?

И снова догадки поползли в голову черными нитями. Отпускаю ее и хватаю за руки, закатываю рукава по локоть. Синяков нет, следов уколов тоже. Облегчение все же девушка различает на моем лице, потому что с секунду смотрит на меня озадаченно, а потом начинает дико смеяться.

– Фу, Тим, ты совсем в последнее время сдал, не интересно мне с тобой больше, – она отступает на шаг и по большой дуге начинает меня обходить.

– Не понял? – голос как будто чужой, не мой.

Это что за намеки? Все в интернате, да и не только, знают, что Васька моя баба, и что к ней приближаться на километр нельзя. И вот это ее «не интересно» значит, что рога мне решила приставить?

– Ты, видимо, совсем рамсы попутала, сука, – хватаю ее за руку и дергаю на себя.

Она вскрикнула от неожиданности, но это была секундная растерянность, потому что, когда подняла взгляд на меня, я понял окончательно, что-то с ней не так. Что-то очень знакомое есть в ее взгляде, неуловимое, я это уже видел, но у кого и что, вспомнить не могу.

– Руки убери и больше не хватай меня так, понял? – отчеканивает девица каждое слово. – Это ты вон, – кивает на туалетную дверь, – с ними так разговаривай и наводи страх, а мне, знаешь ли, пох, что ты думаешь и тем более, что чувствуешь. Я устала и хочу уже отсюда свалить, понял? А до конца заключения осталось ни много ни мало, сколько? – она опускает глаза, деланно тыкая в дисплей телефона. – Угадал, Тимош, всего-то полгодика потерпеть, и вот она, долгожданная свобода.

Васька расправляет руки и, изображая самолетик, бежит по коридору, петляя и издавая характерные звуки мотора.

– М-да, кукушка слетела у девчонки, – качаю головой и, сделав обратно два шага, снова рывком открываю туалетную дверь.

Одновременно со мной ее Рита толкает оттуда, и когда я встаю рядом с дверью, девчонки выходят гуськом с опущенными головами. Понимают, что виноваты, но я, наверное, последний, кто мог бы их осудить. И не могу сказать сейчас точно, поступил бы я иначе, если бы на месте домовенка был пацаненок какой. Скорее всего, нет.

Девчонка сидит на полу и смотрит перед собой, обхватив коленки.

– Пошли, – трогаю ее за плечо, но она отшатывается, как от удара, а я зубы сжимаю, чтобы не вернуться в комнату девчонок и не понадавать им лещей за то, что они сделали.

– Что у вас произошло? – присаживаюсь на корточки рядом с ней, но больше ее не касаюсь.

– Все нормально, ты что, не видишь? – она поворачивает ко мне лицо и губу разбитую закусывает. – Поскользнулась, упала, разбилась. Все хорошо, сама виновата.

Она делает неожиданно резкий рывок и встает на ноги. Не ожидал такой прыти от девчонки и интуитивно тоже выпрямился.

– Ты уверена?

Она меня ошарашила тем безразличием, которое слышится в ее голосе. Пытаюсь заглянуть ей в глаза, но она игнорирует вопрос и, пряча взгляд, подходит к умывальнику. Молча включает воду и набирает в рот воды. Поласкает и сплевывает жидкость вперемишку с кровью. Черт. Внутри все сжимается, и вся сущность рвется к ней. Хочется дотронуться до разбитой губы и поцеловать, или даже нет, разрешить ударить меня, чтобы разделить ту боль, которую она испытывает сейчас.

Но я стою на месте, не могу и шагу сделать. Просто стою истуканом и смотрю, как девчонка приводит себя в относительный порядок.

– Так и будешь пялиться?

Не сразу понимаю, что слова адресованы мне. Во рту все пересохло, когда она подняла на меня взгляд своих синих глаз. От умывания они кажутся ярче, а она стоит передо мной, голову чуть приподняла и смотрит, не отводя взгляда.

– Да, кхе, – чуть прокашлялся.

– Отойди, – толкает она меня в плечо, и я чуть отстраняюсь.

Девчонка открывает дверь, и тут же в проеме появляется ее взъерошенная подружка, а за спиной ее два парня и две девчонки стоят, я их всех видел на уроках.

– Яська, – чуть всхлипывает мелкая, – Ясь, что они сделали? – трогает ее лицо, но девушка как будто в ледышку превратилась, освобождается из ее рук и проходит дальше.

– Все нормально, Вер, я поскользнулась и неудачно упала, не переживай.

Ее тут же окружают три девчонки, а парни смотрят на меня так, что глазами прожигают.

– Дима, – слышу голос Снежинки, и парень, постояв еще секунду, повернулся на пятках, пошел за ней.

А я смотрю ему в след и понимаю, что кулаки сжимаются снова. Все понял, лишних слов и не надо. Значит, парень есть у домовенка. Ну, ничего, не стена, подвинется. Подхожу к умывальнику и включаю холодную воду. Надо остудиться, а не то дел натворю, а мне нельзя. Никак нельзя. Бью со всей дури рукой по кафельному бортику, и в ладони тут же начинает гореть.

– Твою мать, – стряхиваю с рук воду и, громко бухая дверью, выхожу в коридор.

– Долго ты, я думала, утонул, – иронии в голосе хоть отбавляй, – это все же женский туалет, а твой корпус в другом крыле, – выплевывает девушка и скрывается за дверью.

В наступившей тишине громко щелкает замок. Хотелось подождать ее, но побоялся, что не сдержусь. Разворачиваюсь и уверенно направляюсь обратно, пацаны, наверное, заждались, пока я тут чужие сопли на кулак наматывал.

– Твою мать, нахрен поперся, – со злостью дергаю распашную дверь и с силой бью ее об стену. – Сука.

– Мне надо было ему лицо разбить, – всю дорогу ерепенился Димка, а я шла и молчала.

Люба с одной стороны, Вера с другой, Нина прикрывает тылы сзади, а шлейфом Дима с Пашкой идут.

– Дим, прекрати, – говорю, а у самой перед глазами равнодушный взгляд Василисы.

Напрягаюсь немного, и девчонки тут же прижимаются ко мне. Господи, почему же их в тот момент не было рядом со мной. Быстро смаргиваю слезы, кошусь на Верку, она до сих пор в себя не пришла, бледная, как привидение. Нет, я на нее не в обиде, хоть сама бы так никогда не поступила, но я не могу обижаться на нее, потому что не была в подобной ситуации.

– Я же тебе уже говорила, что этот... – я запнулась на имени парня.

– Тимофей, – услужливо подсказывает Нина, в голосе слышу обожание.

– Да, Тимофей, он не при чем, если бы он не пришел вовремя, то могло бы случиться худшее, – говорю так обыденно, как будто меня каждый день подлавливают и бьют. В груди сердце срывается в галоп, и я начинаю дышать чаще. Черт, опять. Вдох и глубокий выдох.

– Как не при чем? – продолжает кипятиться Дима. – А почему он не остановил этих девок? – его возмущению нет предела.

– Они меня ударили до того, как он появился, – отвечаю ему и при этом бью ладонью чуть выше сердца по ребрам. Удар, синхронный вдох, и отпускает.

Слышу быстрые шаги, и Дима нас обгоняет, встает передо мной.

– Ты его защищаешь?

У меня аж челюсть отвисла от вопроса такого дебильного.

– Дим, ты что говоришь? С чего это я его должна защищать? – а у самой дыхание перехватило.

Ведь получается, что да, защищаю, хотя сама не понимаю, почему. Ведь он мог остановить эту Василису, когда она ударила полотенцем, но не остановил. Во рту стало горько от этого осознания.

– Что задумалась? – всматривается мне в лицо Дима. – Я правд, да?

Ладони парня стальными клешнями впиваются в мои плечи и в буквальном смысле выдергивает меня из рук девчонок.

– Идите, нам надо поговорить, – кидает он через плечо ребятам.

– Дим,пусти, – трепыхаюсь я в его захвате. – Ты мне делаешь больно, – голос дрогнул.

И тут же рядом появляется Вера.

– Отпусти, – шипит она и хватается парня за руку.

– Слушай, ты, – он смотрит на Веру, а во взгляде ненависть неприкрытая, – свали в туман.

– Дима, – выдыхаю я, а у самой все внутри колотится. Да то же за день такой, всего-то хотела чая попить. – Отпусти, – твердость в голосе меня саму поразила, думала, дрогнет голос, но нет, – руки убери. Я не хочу спорить и не хочу оправдываться. Моей вины здесь нет никакой, так получилось.

Парень отпускает мои плечи.

– И ты не имеешь права так разговаривать с Верой, – я разворачиваюсь, потираю места, на которых, скорее всего, останутся синяки, и подталкиваю девушку в сторону комнаты.

Она, конечно, нехотя идет, я чувствую это по ее каменному телу, которое без удовольствия подчиняется. Если бы не я, она бы Димке точно вцепилась в лицо.

Дима догоняет нас почти у двери комнаты. Слышу его дыхание сзади. Оборачиваюсь. Смотрю долго, изучающе. Девчонки заходят в комнату, оставляя нас наедине. Последний зашла Вера, оставила дверь приоткрытой. Я ухмыльнулась про себя. Верка странная, то готова на парня броситься без оглядки, то может бросить в тот момент, когда больше всего нужна.

– Ясь, ты меня прости, а, – Дима делает шаг ко мне, но я отступаю к стене.

– Дима, давай поговорим позже, не сейчас, – не смотрю на него, не хочется, первый раз такое со мной. Даже совесть внутри кольнула, ведь в голосе слышится искренность.

– Я не хотел. Я просто испугался за тебя, – говорит он и делает осторожный шаг, а я снова отступаю.

– Дим, не сейчас, давай, позвоню тебе позже. Одна хочу побыть, – оглядываюсь на дверь, давая ему понять, что больше нет смысла разговаривать.

– Ты не будешь одна, – бурчит он себе под нос.

– Дим, не обижайся, я позвоню, – это были мои последние слова, потому что после них я нырнула за дверь и, захлопнув, повернула защелку замка.

Прислушиваюсь к звукам снаружи. Тишина. Видимо, ушел. Приваливаюсь спиной к холодному полотну и медленно сползаю вниз. В голове неожиданно становится тяжело, но ровно через минуту понимаю, от чего. От обиды, от слез, от того, что некому за меня заступиться, от того, что любой может обидеть, и никто не постоит за меня. Сначала слезы лились маленькими дорожками, оставляя на уголках губ соленый след.

– Есения...

Стоило услышать в голосах девочек жалость, и я зарыдала в голос. Уткнулась лицом в коленки и сделать ничего не могу, только и получается сквозь рыдания рвано дышать, чтобы не задохнуться от этой несправедливости. Внутри словно волной цунами поднимается чувство противостояния, и в горле клоочет злость. Только разрывающая сердце жалость к себе и к таким же детям, как я, не дает понять до конца, что я хотела бы сделать с этими сучками, что возомнили себя главными над теми, кто слабее их, над теми, кто не может дать отпор.

В голове будто набатом бьются слова.

Если кто-нибудь узнает, что здесь произошло, пожалеешь, что на свет родилась, поняла, дрянь детдомовская? – выплевывает Рита каждое слово. – Даже если Василисе влетит, помни, что есть еще мы. Поняла?

Я промолчала. Я знала, что будут угрожать, и знала, что лучше молчать, чтобы не давать никаких обещаний, чтобы потом пустословом не оказаться.

Удар по щеке приходится неровно, и Рита задевает губу, которая тут же рвется, я чувствую на губах солоноватый привкус крови.

– Ясь, Ясь, Ясь! – не сразу поняла, что это меня Верка зовет.

Смотрю на ее расплывшееся от плены слез лицо и слезы сглатываю, только странные они какие-то, слишком тягучие. Подношу руку к лицу, вытираю слезы, а потом нос и губы и чувствую, что губы начинает щипать от прикосновений.

– Люб, где у вас вода? Дай воды, – просит Вера, а яставляю руку перед собой, на пальцах кровь.

– Да не переживай, – приметив, видимо, в моих глазах тревогу, говорит Вера, – немного кожица содралась, на вот, выпей воды.

Сзади, из-за ее плеча, Люба тянет стакан, а сама не смотрит на меня, прячет взгляд. Я протягиваю руку к стакану, но пальцы не слушаются, и если бы не Верка, я бы выронила его. Она перехватывает тару и подносит к моим губам, пытаюсь сделать глоток, но от рыдания начинает бить крупная дрожь, и получается только зубами клацать по стеклянному краю.

– Ну ты, мать, даешь, – протягивает Вера, поднимается, ставит стакан на стол, возвращается ко мне и помогает встать, придерживает за руку. – Пойдем-ка в кроватку, согреться тебе надо.

Я на трясущихся ногах следую за ней, нет сил сопротивляться и строить из себя, жажда мести вылилась в слезы, и сейчас хочется, чтобы пожалели, позаботились обо мне.

Ложусь в кровать, а Верка укрывает одеялом.

– Не спи, – тон такой беспрекословный. – Я за чаем сбегая, тебе согреться надо.

Меня аж пот холодный пробил.

– Никуда не ходи, мне не нужен никакой чай, – хватаю ее за ладонь, – сядь здесь и сиди, я сейчас согреюсь, и все пройдет.

Верка вроде послушала, села на край кровати, и я тут же провалилась в негу сна. Напрасно не заглянула в глаза подруге, тогда бы, может, и увидела, как глаза ее потемнели,

как промелькнула в них какая-то необдуманная, сумасшедшая решимость. Но я не заглянула и крепко спала, когда девушка вышла из комнаты. Сегодня она сюда уже не вернется.

Глава 7

По дороге передумал и направился сразу в крыло, где располагалась мужская половина. Пофиг, что там пацаны подумают, пока не мог нормально соображать, а это чревато последствиями. Нужно было пока побыть одному, а иначе кто-то точно словит по морде. По дороге встретились двое малолеток, но увидев меня, прижались к стенке и постарались слиться с ней, лишь бы я не заметил их. Хмыкнул. В этот момент аж внутри что-то закопошилось, никогда до этого не чувствовал ничего подобного, и что это, для меня было загадкой, но то, что это чувство бесило и раздражало, однозначно.

Дверь комнаты открыл рывком. И так же с силой закрыл, аж стекла задрожали. Черт. Надо успокоиться. Захотелось покурить ужасно, но я все-таки скинул кроссовки, завалился на кровать и руки под голову засунул. Прикрыл глаза. Но тут же раскрыл, потому что лицо Яси с разбитой губой и носом встало так ясно, что чуть не подскочил от неожиданности. Черт. Глянул на часы. Это я что, заснул, что ли? На улице стало смеркаться, и странно, что пацанов до сих пор нет. Должны же были уже давно прийти. Я повернулся на бок, и мысли унеслись далеко в прошлое. Туда, где тоска сжирала все внутри, оставляя после себя поле пепла.

– Пап, а мама когда меня будет в школу водить? Я хочу, чтобы она меня в школу водила, – сижу на заднем сидении, смотрю в окно. – Почему она с кровати не встает, а, пап?

Отец молчит, отвечать не торопится. Он никогда не отвечал. Не знаю, почему. Но я все-таки задавал ему эти вопросы, потому что очень скучал по маме, по ее поцелуям возле ворот школы, по ее улыбке.

– Тимофей, я же тебе уже говорил, что мама очень серьезно болеет, и я не знаю, когда она сможет тебя в школу провозжать.

Перевожу на него взгляд, а в глазах слезы застыли. Он коротко глянул на меня.

– Я все делаю для того, чтобы она поправилась, – в этот момент его голос дрогнул.

– Я понял, пап, а кто меня сегодня заберет? – снова перевожу взгляд в окно.

– Вероника, – он вздохнул. – И пожалуйста, сын, веди себе достойно. Хорошо? Я такие деньги плачу в этот лицей, не хотелось бы, чтобы тебя отчислили уже после первого класса.

– Я стараюсь, пап, изо всех сил стараюсь, – отвечаю ему, даже не покраснев ни разу от того, что соврал.

Черный мерседес тормозит перед воротами элитного лицея, я вылезая из машины, и когда она трогается с места, с тоской во взгляде провожаю ее до поворота. Потом разворачиваюсь лицом к кованой решетке и шагаю ко входу.

– Тимофей, ты сам поднимешься, или тебя проводить?

– Вероника, я сам, не маленький уже.

Она треплет меня за волосы и ласково улыбается.

– Верю, мальш, завтра я снова за тобой приду, так что до завтра, – говорит она и уходит.

Поднимаюсь домой в ожидании встречи с мамой. Я всегда прямо с порога бежал к ней в комнату и взахлеб рассказывал обо всем, что происходит у меня в школе. Да только за то, что она улыбалась, я готов был по сто раз рассказывать ей одно и то же. Лишь бы не видеть в глазах слезы, когда она просила меня нагнуться, чтобы поцеловать в щеку, а я склонялся к ней и не выдерживал, тоненькими ручками пробирался под шею и обнимал ее крепко-крепко и сам целовал, собирая с ее щек соленую влагу.

Открываю дверь и разуваясь на ходу, откидываю рюкзак в сторону и замираю посреди коридора, когда понимаю, что происходит что-то странное.

Прислушиваюсь и замираю на месте. Из комнаты мамы доносятся посторонние звуки. Тихий плач и звонкие щелчки, как будто кто-то ремнем щелкает. Я помню этот звук, так как отец, иногда припугивал меня, говоря о том, что если буду себя плохо вести, то накажет.

Крадусь в комнату, потому что сильно боюсь. От страха внутри будто все сжалось, и трудно дышать. А потом слышу голос.

– Когда ты же ты, тварь парализованная, сдохнешь? – это голос бабушки Нины. – Душу ты Лешке всю вывернула, вон, похудел как.

Снова щелчок, и я закрываю глаза. Вот она, дверь. Подхожу ближе.

– Надеюсь, когда сдохнешь, в аду будешь гореть, зараза безродная. Как только мог позариться на такую, как ты? Тварь, нищесбродка, ненавижу!

И щелчки сопровождают ее слова. Я захожу в комнату и замираю на пороге. Картина, что предстала передо мной, заставила стереть все границы разумного. Бабушка стояла, склонившись над мамой, и хлестала ее по щекам.

– Ненавижу! – удар. – Тварь, – удар. – Безродная, – удар. – Сдохни!

И я с визгом кидаюсь на женщину, зубами впиваясь ей в руку и валю на пол.

– Ах, ты, сучонок, – она пытается скинуть меня с себя. – Весь подстать матери, – краснеет как рак, – ненавижу вас обоих!

Она перекатывается и уже сидит на мне, тянет за волосы. Боль пронзает затылок, когда бабушка начинает свободной рукой давить на глаза. Я невольно разжимаю рот и тут же получаю пощечину.

– Заступничек нашелся!

Еще один удар.

– Когда твоя мамаша сдохнет, в детдом пойдешь, как и она, там тебе место, – она отворачивает лицо от меня, коленями прижимает руки, а ладонью зажимает рот. – Вот видишь, сука, откуда сама, туда и выблядка твоего отправлю.

А потом похороны мамы помню. Ее синие глаза так большие и не посмотрели на меня, только взгляд ее стеклянным в одно мгновение стал. «Остановка сердца», – констатировали врачи. И на кладбище отца в черных одеждах помню, но сквозь слезы я не видел его лица, а он так и не обнял меня после похорон ни разу. Меня к себе на несколько дней Вероника забирала, жил у нее, а потом отец приехал и забрал меня.

– Так, сын, нам предстоит серьезный разговор, – сказал он мне и сразу, когда в квартиру вошли, на кухню прошел. – Садись.

Залезаю с ногами на стул, а внутри все холодеет от его серьезного вида и тона.

– Мне работать нужно, сын, – говорит он и на меня не смотрит, – а с тобой сидеть некому. Мамы не стало, а я... – он замолчал и залпом выпил стакан воды. – Завтра поедем в интернат, посмотришь, познакомишься с новыми учителями... – снова помолчал. – По выходным домой тебя буду забирать, я не могу с бабушкой тебя оставить, – вздыхает он, – ее в больницу кладут.

А внутри меня уже разлилась черная мгла, через которую очень трудно было прорваться.

Вынырываю из воспоминаний под монотонный стук, как будто что-то бьется о стену. Нехотя встаю с кровати и подхожу к окну. Второй этаж, окна выходят на задний двор интерната. Мы летом часто сбегали через окно поблудить по городу. Конечно, по малолетству нас еще ловили, но когда стали постарше, осторожнее стали, хитрее, проворнее, и теперь нас уже не так легко поймать. Стою, смотрю на толпу ребят, что сгрудились возле железной бочки, но рассмотреть ничего не удастся, взгляд сфокусировать не получается, слишком тяжелы воспоминания о матери до сих пор. Зато я теперь точно осознал, почему синий взгляд девчонки так в голове засел. У матери такого же цвета были глаза.

Внимание привлекает ярко-оранжевая куртка, мелькнувшая в толпе. Трясу головой и всматриваюсь сквозь покрывшееся морозным узором стекло. Михей. Черт, что там происходит?

Достаю гаджет из кармана и набираю быстрым набором парня. Он поднимает трубку сразу, не успев и звонок пройти.

– Ну, че, проснулся? – в голосе слышу насмешку.

– Выспался, – отвечаю ему, – ты где?

Он поворачивается в сторону наших окон и приветственно салютует рукой.

– Что происходит, Мих? – перехожу к допросу, потому что внутри нарастает тревога.

– Да тут какая-то мармышка на Ритку с Василисой наехала, вот девчонки решили ее проучить.

Вижу, как он пробирается сквозь зевак.

– Давай к нам, она так смешно отбивается... а, уже нет.

Отключаю мобилу раньше, чем парень договорил предложение. Сжимаю в пальцах телефон так сильно, что корпус хрустнул.

– Все-таки не успокоились?

Выбегаю из комнаты и чуть ли не скатываюсь с лестницы на первый этаж.

«Мармышка», – полоснули слова Михея. Это значит, точно не из наших. Да и на выходные почти всех забирают, только избранные могут остаться, в число которых вхожу я, Василиса и еще десяток человек, но они-то точно не будут лезть к девчонкам, поэтому вариант один – это детдомовские. Липкий страх холодом скользнул к копчику. Даже боялся в мыслях предположить, что мармышка – это Яся.

Холод пробрался под куртку мгновенно. Я застегнул молнию и уже через минуту был на месте. Под всеобщее улюлюканье девчонки, смеясь, развлекались с жертвой. Я растолкал толпу и, как оказалось, не ошибся. Здесь стояли все те, кого за спинами окрестили «слитками интернета». Такими золотыми и неподъемными для простых учеников.

– Слышь, Тима, ты поаккуратнее локтями работай, – послышалось откуда-то справа, но я даже голову не повернул.

Мне было насрать на того, кто говорит, сейчас цель была только одна – увидеть, убедиться в том, что там, под ногами девчонок, не Снежинка.

– Вот тебе, тварь, чтобы знала, куда лезть!

Глухой удар и ни звука в ответ. В буквальном смысле отшвыриваю того, кто стоит у меня на пути, и вижу перед собой растрепанную Василису.

– Мразь, как же я ненавижу таких! – ее ботинок утопает в тонкой куртке девчонки, что, сжившись, лежит на снегу.

Твою мать, то, что я испытал в этот момент, словами не перескажешь, наверное, вселенское облегчение, когда увидел, что это подружка Яси. Но Василисе, видимо, было все равно, лишь бы выместить ярость на ком-то.

– Вась, – зову ее, и все затихает вокруг.

Тишина нагнетается гробовая, все оборачиваются на меня, а девушка поднимает ошалелые глаза, полные жестокого азарта. Щеки розовые, видно, что внутри бурлит адреналин, ноздри раздуваются, как будто она сейчас сто метров бежала.

– Уйди отсюда, – хрипит она, но я, наоборот, делаю шаг к ней. – Пошел нахер, Тим, я сказала.

Я подхожу вплотную и чуть толкаю ее в сторону, она отходит назад, но вижу, что сейчас будет буря, поэтому быстро присаживаюсь на корточки и убираю волосы с лица девушки.

– Ты гребаная овца, Вася, – я резко поднимаюсь на ноги и в один шаг оказываюсь рядом с девушкой.

– Не трогай меня, придурок, – шипит она.

Хватаю ее за шею сзади и силой подтаскиваю к девчонке, нажимаю на затылок, и Василиса склоняется над своей жертвой.

– Что ты видишь? – спрашиваю на ухо, но она молчит, тогда сжимаю шею сильнее. – Сука, что ты видишь, Вась?

Она вдруг раскидывает руки в стороны и в позе недоласточки хрипит не своим голосом.

– Валим, – создавшуюся тишину нарушают шуршащие куртки и скрипящий снег под ногами.

– Ты больная, Вась, – тихо говорю ей, – больная. Михей, вызови скорую.

– Не-е-е, Тим, ты уж извини, но как-то не хочется свой номер светить.

Конечно, не хочет, и понятно, почему. Нам всем придет капец. Хотя он и так нам пришел, девчонка уже посинела.

– В этот раз придется ответить, Василис, – ныряю рукой в карман ее куртки и достаю телефон, – звони.

– Нет, – качает она головой.

Рывком поднимаю ее, заставляя распрямиться.

«Черт, что делать, твою мать», – в голове мысли бьются о черепную коробку, словно горох.

Я все прекрасно понимаю и знаю, что мы все встряли, но как бросить-то ее здесь, она же замерзнет и умрет.

– Василиса, это был последний раз, поняла? – фиксирую ее лицо и смотрю в глаза, долго. – Дура.

Отпускаю шею и подхожу к Вере, поднимаю ее на руки и широким шагом несю в здание. Михей возникает сбоку.

– Ты что творишь, Тим, нас за яйца подвешат, слышишь? – он дергает меня за руку, а я, не обращая на него никакого внимания, несю девчонку внутрь.

– Найти телефон Ильиничны, скажи, что ЧП, пусть едет, – бросаю ему на ходу.

– Брось эту мразь, – слышу сзади равнодушный голос Василисы, – пусть сдохнет, подумаешь, одним беспризорником меньше будет.

– Вась, молись, чтобы с ней все было в порядке и не пришлось в больницу везти, – отвечаю ей.

– Мне срать, ты же знаешь, – усмехается она и, прибавляя шаг, обгоняет меня.

Перед нами дверь, в которую девушка входит первой и демонстративно закрывает у меня перед носом.

– Падла, – слова отражаются от закрытой двери и растворяются в тишине.

– Больно, – подает голос моя ноша и всхлипывает, – больно.

Я вздыхаю с облегчением, главное, что жива.

– Потерпи немного, сейчас все будет хорошо, – неловко открываю дверь и захожу в здание.

Глава 8

– Вышли отсюда! – рявкнул на нас Лев.

Конечно, кто бы мог сомневаться, что медичка позвонит Лёве. Я был в этом абсолютно уверен и в какой-то степени даже благодарен Ильиничне за это. С другой стороны, и своих не хотелось подводить из-за мартышки детдомовской. Черт. И какого хрена я позвонил Михею, какого хрена просто не прошел мимо? Ведь до этого именно так и было. Мне было плевать, что за дерьмо творит Василиса. У нее есть своя голова и мать, которая отмазывает ее, бегая, точнее, нет, гоня нанятых адвокатов по разным инстанциям, заминая все косяки девчонки. Блядское сострадание вылезло, как всегда, не в то время не в том месте. Теперь еще придется перед Лёвой ответ держать. Черт! Я дал себе мысленно подзатыльник. Не ситуация, конечно, а говна кусок получился.

Я попятился к выходу вместе со всеми, кого «на ковер» к себе в кабинет вызвал «царь зверей».

– Волков остался стоять на месте! – скомандовал он.

Мать твою. Еще одна затрещина виртуально. Я себя сейчас ненавижу за слабость, что проявил. Нахер мне вообще эта малолетка нужна была?

Пацаны покосились в мою сторону, но мне было пох на их мнение, я уже понял, какую глупость совершил. Мазнул по ним взглядом, полным опасного спокойствия и равнодушия. И они поняли все без слов.

– Волков, – голос Льва Владимировича показался мне подозрительно мягким.

Я опустил глаза, главное не показать ему, насколько я сейчас нахожусь в диссонансе сам с собой. С одной стороны, мне хочется узнать, как чувствует себя мартышка, но это желание тут же задавливает бессердечный ублюдок по имени Тимофей Волков, которого вырастил из меня интернат. Безжалостный, бесчувственный, эгоистичный ублюдок, которому плевать на боль других. Мне вообще плевать на всех, кто окружает меня, и если прижмет, я буду идти по головам, не замечая, что давлу гриндерами человеческую плоть.

– Волков, твою мать! – удар по столу вывел меня из оцепенения.

Я вздрогнул, и злая усмешка появилась на губах.

– Вы мать-то мою не трогайте, Лев Владимирович. Она, пусть земля ей будет пухом, ни за что не допустила бы, чтобы я прозябал в этой клоаке, – ответил Лёве, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– За словечками следи, – тут же парировал он. – Я бы тебе сказал, где клоака, хотя что тебе говорить...

Он замолкает, а я поднимаю все-таки на него глаза и надеюсь, он видит в них то, что я сейчас чувствую, а именно – ненависть к нему и к миру в целом.

– И не смотри на меня, будто я в чем-то перед тобой виноват, не поможет. Все равно таким, как ты, на свободе не место. Уверен, что, выйдя отсюда, вы с Василисой через месяц влетите на срок, и надеюсь, он будет достаточно большой. Но ладно, – махнул он рукой, как будто от мухи отмахнулся.

Ублюдок. Ненавижу его.

– Что мы все о тебе, да о тебе, – он встал из-за стола, а у меня челюсть сжалась так, что зубы скрипнули. – Ты мне лучше расскажи, дружок, что это вы тут устроили?

Он подходит к окну, выглядывает на улицу и задерживает штору.

– Только, сука, хотел хоть день отдохнуть в тишине и спокойствии, но нет, вам скучно, видите ли, стало, поразвлечься решили.

Несколько широких шагов, и мужик стоит передо мной, лицом к лицу, глаза в глаза, дышит на меня перегаром, мудака. Я весь сжался, напряг мышцы в ожидании удара, но он не трогал.

– Не слышу ответа, Тими, – выплевывает он мне в лицо.

На его щеках заходили желваки, напряглись так, что еще немного, и порвутся.

– Никто не веселился, Лев Владимирович, – цежу сквозь зубы.

Резкий удар в живот, и я сгибаюсь пополам от боли. Мразь. Этот упырь точно знал, куда бить. В правый бок, туда, где и так живого места не осталось, все перекроено по несколько раз.

– Я задаю вопросы, а ты мне на них коротко и четко отвечаешь, понял меня? – он хватается за челку и тянет голову вверх, заставляя смотреть в глаза. – Больно, что ли, Тимофей?

В голосе иронии столько, что хочется вгрызться ему в горло и разодрать его.

– Да ты врешь, – уголки его губ приподнимаются в улыбке, но в глазах лед. – А как ты думаешь, ублюдок, этой девчонке не больно? А ты знаешь, мразь, что у нее разрывы внутренних органов есть? Знаешь?

Он дергает за волосы, а я сцепляю зубы, чтобы не заорать.

«Дебил, нахера я лез туда? Ну, ничего, – думаю про себя, – будет, Волков, это тебе уроком».

– Нет, – опять сквозь зубы отвечаю ему.

– Кто это сделал? – шипит он.

Этот мудака меня что, хочет стукачом сделать? Он точно конченный придурок.

– Я не видел, девчонку нашел, когда покурить вышел.

– Ты это серьезно? – он удивленно поднимает бровь. – По твоим глазам вижу, что не врешь, – улыбается он во весь рот, и снова удар левой в правый бок заставляет согнуться пополам и закашляться. – Но знаешь, что, Волков? Нутром чую, где-то в промежутках своего рассказа ты мне что-то недоговариваешь.

Он подходит ко мне вплотную, мой взгляд утыкается в его черные лакированные ботинки. Тварь, сука, ну он же прекрасно понимает, что когда я выйду отсюда, я его раздавлю. Раскрою мудака на ленточки, потом сожгу и в яму с дерьмом высыплю пепел.

Повисшую минутную тишину нарушила трель телефона на столе Левы. Звонил городской.

– Ну, ты видишь, что происходит, Волков? – скорее всего, этот вопрос он озвучивает просто так, баз требования ответа. – Не верю, что вселенная хочет заступиться за тебя, поэтому...

Он заносит ногу, и я уже приготовился почувствовать разрывающую все кишки внутри боль, но тут опять раздался телефонный звонок. Мужчина в сердцах чертыхается и толкает меня носком ботинка в бок.

– Выметайся отсюда мигом, – ругаясь, Лева разворачивается на пятках и подходит к столу. – Терентьев слушает, – его голос уже принял оттенок деловитости, и все шипящие и плюющиеся звуки пропали. – Я сказал, пшел отсюда, – шикает он на меня, и я в полусогнутом положении выхожу из кабинета.

Черт. За дверью прислоняюсь к стене. Расправлять спину не тороплюсь. Надо, чтобы немного успокоились внутренности. Улеглись на места. Две минуты пришлось потратить на то, чтобы хоть как-то восстановить трепещущие кишки в животе. Урод.

Выпрямляюсь почти в полный рост и медленно вышагиваю в направлении нашего корпуса. В голове и в груди сейчас только одна мысль.

«Мсть».

– А я тебе говорил, Тим, нехер было строить из себя супергероя, – из-за угла мне навстречу вышли Михей с Леней. – Че, крепко влетело?

Парни тут же с двух сторон встали, под руки хотели подхватить. Именно так, как это было раньше.

– Не надо, все нормально, – буркнул я и дальше пошел молча, ни слова больше, либо просто взорвусь.

– Тим, надо рассказать, – Леня вдруг выходит чуть вперед и становится ко мне лицом, но не останавливается, продолжает идти задом, потому что знает, что сейчас ко мне лучше не лезть. По его лицу вижу, что переживает.

– Нет, осталось совсем немного, да и отцу не хочу жаловаться, мне еще с ним не хватало лишних проблем, – то ли сам себя убеждал в этом, то ли фиксировал во вселенной свое желание.

– Тим, – начал было Миха, но потом вдруг замолчал.

Я покосился на него, но парень поджал губы и больше слова не сказал.

Добравшись до комнаты, я сразу увалился на кровать и наконец-то расправил тело. Бля, как же все болело. И опять в груди все сжалось то ли от жалости к себе, то ли от несправедливости в принципе. Ненавидел такие вот моменты. Они только усугубляли мое внутренне равновесие, и наружу так и рвался тот Волков, которого я пытался задушить, чтобы не вляпаться никуда до того момента, пока не выйду отсюда.

– Тим, может, тебе принести чего-нибудь поесть? – отвлекает меня Леня. – Сейчас ужин уже будет.

– Я боюсь, Леня, в меня сейчас и кусок не полезет, – говорю парню и поворачиваюсь набок.

Внутри как будто в воде переваливаются все внутренности. Непроизвольный стон вырывается изо рта. Сжимаю зубы. Нахер я дергался?

– Я к Ильиничне зайду, возьму таблеток, – подрывается Михай. – Убить бы этого выродка.

Парень выходит, громко хлопнув дверью. Леня тоже засобирался в столовку.

– Леня, – окликаю друга, – а что там вообще произошло? За что мартышку избили?

– Мартышку? – переспрашивает парень. – А, ты про домовушку? Так это, насколько я понял, она сама девчонку дождалась в курилке и наехала на Ваську, ну, а там слово за слово... Ну, ты сам знаешь, наши разговаривать не привыкли, вот и досталось ей по первое число, – Леня присел на стул. – Зря она, конечно, к ним полезла.

В голосе ни намек на жалость, так почему во мне девчонки вызвали это чувство? Откуда оно взялось?

– Ладно, пусть это будет уроком, надеюсь, ей не сильно досталось, – я застываю в одном положении, лишние движения пытаюсь не совершать.

– Тим, тебе бы в больничку, это же ненормально, что ты корчишься.

В его голосе слышу жалостливые нотки.

– Слышь, пацан, ты охренел? Ты че, меня жалеть вздумал? То есть, девчонку тебе не жалко, а меня решил пожалеть? – я все-таки вытаскиваю подушку из-под головы и кидаю ее в парня. – Иди нахрен, и чтобы больше я от тебя такого не слышал.

– Сдаюсь, сдаюсь, – поднимает он руки, капитулируя к двери, подушка так и остается лежать на стуле. – Надеюсь, ты все-таки доживешь до весны, – хмыкает он и, видя, как я тянусь за кроссовкой, шмыгает за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Я, кряхтя, как старик, занял удобное положение и прикрыл глаза.

«Волков, всего пять месяцев подождать, пять, – улыбка растягивает губы, – а потом ты будешь свободен, как ветер, и обязательств у тебя будет не так много перед отцом. Укатай в любую страну Европы, куда только захочешь, и постарайся выскрести из памяти этот гребанный интернат».

Улыбка сползла с губ, сменившись злобной гримасой. Только Василиса, скорее всего, будет постоянным о нем напоминанием.

Когда мама умерла, я превратился в маленькую каменную глыбу. Я стал нелюдим, да и разговаривал мало. Только с отцом и некоторыми учителями, и то по делу. Например, когда тот же Лева пытался меня за что-то наказать, а я орал ему в лицо, как его ненавижу. А его это только заводило сильнее. Он, видимо, уже тогда увидел во мне «игрушку», которую ему хочется сломать, но не сломал, не получилось, оказался слишком прочным для его зубов оловянный солдатик.

Мы с Васькой впервые увиделись весной. После того, как мама умерла, не прошло еще и полугода, а отец притащил в дом какую-то тетку. Я как раз был на выходных дома. Отец сделал это специально, чтобы типа я познакомился с его новой женой. Я тогда смотрел на эту тетку и не понимал, что происходит. Просто все то время, что мы сидели в Маке, я пялился сквозь них в пространство и не проронил ни слова, но как я понял позже, тетенька эта была очень смекалистой сукой. На следующий день она притащилась к нам домой с дочкой своей Василисой, перед которой стояла задача хоть как-то расшевелить меня. И признаюсь честно, ей это удалось.

Васька мне стало словно сестрой уже спустя день общения в тесной близости. Девчонка была словно зажигалка. Непоседа от природы, она меня поразила с первого взгляда своей живостью и разнообразием находить интересные занятия даже там, где их априори нельзя отыскать. Она стала для меня идеальной подругой и другом, а когда ее мамашка сказала, что мы с Василисой теперь и учиться будем вместе, моему счастью не было предела. Смерть мамы потихоньку отпускала меня. Я повяз в девочке по имени Василиса. Именно тогда я начал думать о том, что никогда больше не хочу с ней расставаться, что всегда хочу быть вместе.

Семейные ужины по выходным стали для нас регулярными посиделками, и я даже не заметил, как в нашу квартиру переехали вещи Василисы и ее мамашки. Но я и против-то не был, только за. Ведь это значило, что теперь с ней нам и расставаться никогда не придется.

Как-то за ужином мать Василисы, посмеиваясь, заметила, что из нас бы получилась неплохая пара. Я пожал плечами, ведь еще не понимал, о чем говорит женщина, а вот румянец на щеках десятилетней девочки заметил.

Это спустя год я понял, о чем тогда говорила мать Васьки, когда на дискотеке в честь Нового года, которую устроили в интернате, мы с Василисой в первый раз поцеловались, и в наших отношениях появился новый виток. Мы перестали с ней быть братом и сестрой. Теперь для меня она была моей девушкой.

А потом... потом началась «взрослая жизнь». Мы будто сошли с нормального автобуса, который вез нас в светлое будущее, и сели на дребезжащую развалюху под названием «подростковая жизнь интернатовских детей».

Переходный возраст и становление личности не прошли без последствий. Когда веселая и озорная девчонка по имени Василиса вдруг превратилась в безжалостную и беспринципную суку Ваську, а я из мальчишки, некогда обреченного быть «игрушкой для битья», стал тем, кем, являюсь сейчас. Волковым Тимофеем, который даже воды не подаст умирающему старику, а толкнет стакан, и тот прольется рядом, потому что перед моим внутренним взором все старики похожи на мою покойницу бабушку, которая была парализованную мать. Я любого порву на своем пути, кто будет мешать мне достигнуть цели, и я это сделаю с гребаным Левой Владимировичем, когда выйду из этой тюрьмы без решеток.

– Тим, – слышу голос Мухи рядом с ухом. Открываю глаза. – Вот, на, – он сует мне какие-то таблетки, – Ильинична свалила пришлось порыскать самому у нее в кабинете.

Я приподнял бровь и, выдавив из блистера пару таблеток, закинул в рот и запил водой.

– Да не, все нормально, не бойсь, там Лешик на шухере стоял, так что все под контролем.

Я смотрел на парня поверх стакана с водой и понимал, что эти пацаны словно моя вторая кожа, а иногда казалось, что и чувства, и ощущения у нас одни на всех. Потому что так угадывать эмоции друг друга просто невозможно.

– Царь зверей еще здесь. Его настолько много, что все зашкерились по комнатам и не вылезают. Сиротки в столовой были неполным составом, – он покосился на меня. – Лев и в столовку приходил, долго стоял и рассматривал всех тех, кто там собрался. Васька с девочками не приходили.

– А белобрысая была среди детдомовских?

Миха на мгновение замер, видимо, вспоминая, кто был на ужине.

– Не-а, не видел.

Из груди вырвался облегченный выдох. Или наоборот? Черт. Запудрила мне мозг.

– Ладно, я пойду, выйду покурить, пока двери не закрыли, а то потом придется через окно лазить. Насладюсь нормальным выходом, – он прислонил два пальца ко лбу и, накинув куртку, вышел, а я так и остался лежать на кровати.

В голове я уже просчитывал время и пути, где можно пробраться на третий этаж. Почему-то именно сейчас понимал, что очень хочу увидеть Снежинку. И теперь эта мысль будоражила кровь, заставляя ее бежать по венам быстрее в предвкушении скорой встречи.

Глава 9

Уже, наверное, как полчаса лежу на кровати с открытыми глазами, уперев взгляд в пустоту. В комнате полумрак. Теплый желтоватый свет от уличных фонарей отбрасывает тени на стены. В комнате тишина, и поэтому кажется, что никого нет, только тихое посапывание говорит о том, что девчонки тоже здесь.

Проснулась я от того, что во сне опять мама приходила, снова мне пела песню и расчесывала волосы. Перед глазами картинки встают одна за одной, поднимая со дна души смертельную тоску. Даже не верится, что я смогла пережить их смерть. Но и то только благодаря бабуле меня не съела тогда тоска. Прошло столько лет, а я до сих пор чувствую по ночам, как мама меня по голове гладит, нашептывая мне песенку из мультфильма про Рапунцель:

Яркий солнца луч, путь найди во мгле,

Я прошу верни, что так желанно мне.

Раны исцели, жизни свет пролей,

Я прошу верни, что так желанно мне.

(Песенка из мультфильма «Рапунцель»)

По щекам покатились слезы, но это сейчас, а в далеком детстве я обожала, когда мама пела эту песню, и всегда просила повторить еще и еще. А когда их с папой не стало, я вставала по ночам и, вспоминая героиню мультфильма, сама начинала петь, расчесывая уже тогда длинные волосы, надеялась на то, что волшебство может их вернуть. Но, увы, каждую ночь меня ждало глубочайшее разочарование. Родители ко мне так и не вернулись, а волосы я так и не отрезала. Оставила их в память о маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.